

Бакунин Михаил. Федерализм, социализм и антитеологизм

1867, источник: [здесь](#), издание: «Голос Труда». С предисловием Дж. Гильома.
Книгоиздательство Союза анархо-синдикалистов «Голос труда». Петербург—Москва. 1920.

- МОТИВИРОВАННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ «ЛИГИ МИРА И СВОБОДЫ»
- Глава I. ФЕДЕРАЛИЗМ
- Глава II. СОЦИАЛИЗМ
- Глава III. АНТИТЕОЛОГИЗМ
- Примечания

МОТИВИРОВАННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ «ЛИГИ МИРА И СВОБОДЫ»

Таково было окончательно принятое заглавие настоящего доклада. Первоначально в корректуре имелся подзаголовок: Предложение Русских членов центрального Комитета Лиги Мира и Свободы, а в рукописи Бакунин дал ему следующее заглавие: Мотивированное предложение русских членов постоянного Комитета Лиги Мира и Свободы (поддержанное французским делегатом г. Александром Шакэ и польскими делегатами Валерианом, Мрошковским и Иваном Загорским).

Господа!

Дело, занимающее нас сегодня, это организовать и окончательно упрочить Лигу Мира и Свободы, взяв за основание принципы, формулированные предшествующим распорядительным комитетом и принятые на первом съезде. Эти принципы составляют с этих пор нашу хартию, обязательное основание всех наших последующих работ. Мы не имеем более права отнять от них хотя бы малейшую часть; но мы можем и даже обязаны их развивать.

Выполнение этой обязанности нам представляется в настоящее время тем более настоятельным, что, как всем известно, вышеупомянутые принципы были формулированы наскоро, под давлением тяжелого женеевского гостеприимства... Мы набросали их, так сказать, между двумя грозами, принужденные ослаблять выражения, чтобы избежать большого скандала, который бы мог привести к полнейшему уничтожению нашего дела.

Ныне, когда благодаря более искреннему и широкому гостеприимству города Берна, мы свободны от всякого местного, внешнего давления, мы должны восстановить эти принципы во всей их полноте, отбросив всякую двусмысленность, как недостойную нас, недостойную великого дела, которое мы призваны основать.

Умалчивание, полуправда, урезанные мысли, любезные смягчения и уступки трусливой дипломатии, все это непригодно для совершения великих дел: последние совершаются лишь при помощи возвышенного сердца, прямого и твердого ума, ясно определенной цели и

великой смелости. Господа, мы предприняли великое дело, возвысимся до уровня нашего предприятия. Оно будет великим или смешным, середины не может быть, и чтобы оно было великим, необходимо, по меньшей мере, чтобы мы по своей смелости и искренности стояли на должной высоте.

Не академическое обсуждение принципов предлагаем мы теперь вашему вниманию. Мы не упускаем из виду, что мы собрались здесь, главным образом, чтобы выработать необходимые средства и политические меры к осуществлению нашего дела. Но мы знаем также, что в политике не может быть честной и полезной практической деятельности без ясно определенных теории и цели. В противном случае, как мы ни воодушевлены самыми широкими и свободолюбивыми чувствами, мы можем прийти к практике, совершенно противоположной этим чувствам; мы можем начать с республиканскими, демократическими и социалистическими убеждениями, — а кончить как бисмаркианцы или как бонапартисты.

Сегодня мы должны сделать три вещи:

1) Установить условия и подготовить почву для нового съезда.

2) Организовать нашу Лигу, насколько это будет возможно, во всех странах Европы; распространить ее даже, и это нам кажется существенным, на Америку и учредить в каждой стране национальные комитеты и провинциальные подкомитеты, предоставив каждому из них всю законную, необходимую автономию, и подчинив их все иерархически центральному комитету в Берне. Дать этим комитетам полномочия и необходимые инструкции для пропаганды и принятия новых членов.

3) В виду этой пропаганды, основать газету.

Не очевидно ли, что для того чтобы хорошо выполнить эти три вещи, мы должны предварительно установить принципы, которые определили бы без всякой двусмысленности, природу и цель Лиги. Эти принципы с одной стороны, вдохновят и направят нашу, как письменную, так и словесную пропаганду, а с другой стороны, сослужат условиями и основой для принятия новых членов. Последний пункт, господа, кажется нам чрезвычайно важным. Ибо вся будущность нашей Лиги будет зависеть от идей, склонностей и тенденций, как политических и социальных, так и экономических и моральных этой массы вновь прибывающих членов, которых мы примем в наши ряды. Являясь учреждением в высшей мере демократическим, мы не претендуем управлять сверху нашим народом, т. е. массой наших сторонников: и раз наше общество будет правильно устроено, мы никогда не позволим себе властно навязывать ему наши идеи. Напротив мы хотим, чтобы все наши провинциальные подкомитеты и национальные комитеты, вплоть до центрального или самого международного комитета, избираемые голосами членов во всех странах, снизу вверх, сделались верным и послушным выражением их чувств, их идей и их воли. Но ныне, именно потому что мы решились подчиниться во всем, что будет касаться общей деятельности Лиги, желаниям большинства, потому что мы находимся еще в малом числе, если мы не хотим, чтобы наша Лига когда либо уклонилась от своей первоначальной идеи и от направления, приданного ей ее инициаторами, не должны ли мы принять меры, чтобы никто с тенденциями, противоположными этой идее и этому направлению, не мог сделаться

ее членом?

Не должны ли мы организовать таким образом, чтобы огромное большинство ваших приверженцев оставалось всегда верно воодушевляющим нас сегодня чувствам, и установить такие правила принятия членов, чтобы даже, если личный состав наших комитетов переменится, дух Лиги оставался неизменным?

Мы можем достигнуть этого не иначе, как установив и определив наши принципы настолько ясно, чтобы никто, будучи в том или ином отношении против них, не мог занять место в наших рядах.

Нет никакого сомнения, что если мы не будем ясно формулировать действительный характер своих принципов, число наших сторонников может впоследствии стать очень большим. Мы могли бы даже в таком случае, как нам предлагал делегат Базеля, г. Шмидлин, принять в наши ряды много военных и священников, — почему бы уже и не полицейских? — или по примеру Лиги Мира, основанной в Париже под высочайшим императорским покровительством гг. Мишеля Шевалье и Фредерика Пасси, умолять знаменитых прусских, русских или австрийских принцесс сообразоваться принять звание почетных членов нашей ассоциации. Но, как говорит пословица, кто много захватывает, плохо удерживает, мы купили бы эти драгоценные присоединения лишь ценой полного самоуничтожения, и среди массы двусмысленностей и фраз, отравляющих в настоящее время общественное мнение Европы, стали бы лишней плохой шуткой.

С другой стороны, очевидно, что если мы громко провозгласим свои принципы, число наших членов будет более ограничено: но, до крайней мере, это будут серьезные приверженцы, на которых можно будет рассчитывать, — и наша искренняя, просвещенная, серьезная пропаганда будет не отравлять, а нравственно оздоравливать публику.

Рассмотрим же, каковы принципы нашей новой ассоциации? Она называется Лигой Мира и Свободы. Это уже много; этим мы отделаемся от всех тех, кто ищет мира какой угодно ценой, даже ценой свободы и человеческого достоинства. Мы отделяемся также и от английского общества мира, отвлекающегося от всякой политики и воображающего, что при современном устройстве государств в Европе возможен мир. В противоположность этим ультра-пацифистским тенденциям парижского и английского обществ, наша Лига объявляет, что она не верит в мир, и не желает мира, иначе как под неперменным условием свободы.

Свобода, это величайшее слово, означающее великую вещь, которое никогда не перестанет воспламенять сердце всех живых людей. Но оно требует тем не менее точного определения, иначе мы не сможем избежать двусмысленности. Бюрократы-сторонники гражданской свободы, монархисты-конституционалисты, аристократы, буржуа — либералы, которые все более или менее сторонники привилегий и естественные враги демократии, могут вступить в наши ряды и составить у нас большинство под предлогом, что они тоже любят свободу.

Чтобы избежать последствий такого столь печального недоразумения, Женевский съезд объявил, что он желает «основать мир на демократии и на свободе», откуда вытекает, что

для того, чтобы стать членом нашей Лиги, надо быть демократом. Значит, исключаются все аристократы, все сторонники какой бы то ни было привилегии, монополии или политической исключительности, ибо слово демократия означает ничто иное, как управление народом, посредством народа и для народа, понимая под этим последним наименованием всю массу граждан — а в настоящее время надо прибавить и гражданок, — составляющих нацию.

В этом смысле мы все конечно демократы.

Но мы должны в то же время признать, что этот термин демократия недостаточен для точного определения характера нашей Лиги, и что, рассматриваемый в отдельности, он может, так же как термин свобода, подать повод к двусмысленности. Не видели ли мы в Америке с начала этого столетия, что плантаторы, рабовладельцы Юга и все их приверженцы в Северных Штатах, назывались демократами? А современный цезаризм со своими отвратительными последствиями, нависший, как ужасная угроза над всем, что называется в Европе человеческим, не именует ли он себя тоже демократичным? И даже московский и петербургский империализм, это «Государство без фраз», этот идеал всех централизованных, военных и бюрократических держав, не во имя ли демократии раздавил он недавно Польшу?

Очевидно, демократия без свободы не может служить нам знаменем. Но что такое демократия, основанная на свободе, если не Республика? Союз свободы с привилегиями создает монархический конституционный режим, но его союз с демократией может осуществиться лишь, в Республике. В видах предосторожности, которых мы не одобряем, Женевский съезд нашел нужным воздержаться в своих резолюциях от произнесения слова «республика». Но, объявляя свое желание «основать мир на демократии и свободе», он невольно выставил себя сторонником республики. Итак наша Лига должна быть в одно и то же время демократической и республиканской.

И мы думаем, господа, что все мы здесь, республиканцы в том смысле, что толкаемые беспощадной, неотразимой логикой вещей, предостерегаемые столь же спасительными, как и жестокими уроками истории, всеми опытами прошлого и в особенности событиями, которые омрачили Европу с 1848 года, и теми опасностями, которые и теперь ей еще угрожают, мы все равно пришли к одному убеждению: монархические учреждения несовместимы с царством мира, справедливости и свободы.

Что касается нас, господа, то мы, как русские социалисты и как славяне, считаем своей обязанностью открыто заявить, что для нас слово республика не имеет другой цены, кроме цены чисто отрицательной: оно означает разрушение, уничтожение монархии. Слово это не только неспособно нас воодушевить но, напротив того, всякий раз, когда нам выставляют республику, как положительное, серьезное разрешение всех злободневных вопросов, как высшую цель, к достижению которой должны направляться наши усилия, мы испытываем потребность протестовать.

Мы ненавидим монархию от всей души; мы ничего так не желаем, как видеть ее падение во всей Европе и во всем мире, и мы убеждены, как и вы, что ее уничтожение есть необходимое условие освобождения человечества. С этой точки зрения мы искренние республиканцы. Но

мы не думаем, что достаточно разрушить монархию, чтобы освободить народы и дать им мир и справедливость. Напротив того, мы твердо убеждены, что крупная, военная, бюрократическая, политически централизованная республика может и необходимо должна стать завоевательной державой во внешних делах и притеснительницей во внутренних и что она будет неспособна обеспечить своим подданным, — даже если они и будут называться гражданами, — благоденствие и свободу. Разве мы не видели великую французскую нацию, два раза объявляющей себя демократической, республикой, и оба раза теряющей свою свободу и дающей себя увлечь к завоевательным войнам?

Припишем ли мы, подобно многим другим, эти плачевные падения легкомысленному темпераменту и историческому привычному отношению к дисциплине французского народа, который, как утверждают его клеветники, способен завоевать свободу внезапным бурным порывом, но не умеет пользоваться ею и проводить ее на практике?

Нам невозможно, господа, присоединиться к этому осуждению целого народа, одного из самых просвещенных народов Европы. Мы убеждены, что если два раза подряд, Франция потеряла свободу и видела превращение своей демократической республики в военные диктатуру и демократию, то вина в этом падает не на характер ее народа, а на ее политическую централизацию. Централизация эта, издавна подготовленная французскими королями и государственными людьми, воплощенная позже в человеке, названном угодливой придворной риторикой Великим Королем, потом ввергнутая в бездну позорными деяниями одряхлевшей монархии, конечно погибла бы в грязи, если бы Революция не подняла ее своей могучей рукой. Да, странная вещь: эта великая революция, провозгласившая в первый раз в истории свободу не только гражданина, но человека, — сделав себя наследницей монархии, которую она убивала, воскресила это отрицание всей свободы: централизацию и всемогущество Государства.

Воссозданная Учредительным Собранием, эта централизация, против которой правда, боролись но с малым успехом Жирондисты, была довершена Конвентом. Робеспьер и Сен-Жюст были ее истинными восстановителями: ничто не было забыто в новой правительственной машине, ни даже Верховное Существо вместе с религией Государства. Она ожидала лишь ловкого механика, чтобы явить удивленному миру все могущество притеснения, которым ее одарили неосторожно устроители... и явился Наполеон I. Итак эта революция, которая вначале была воодушевлена лишь любовью к свободе и человечности, одним тем, что поверила в возможность примирения их с централизацией государства, убила себя, убила их и не породила ничего, кроме военной диктатуры цезаризма.

Не очевидно ли, господа, что для того, чтобы спасти в Европе свободу и мир, мы должны противопоставить этой чудовищной и гнетущей централизации военных, бюрократических, деспотических, монархически-конституционных или даже республиканских государств, великий спасительный принцип Федерализма, — принцип, блистательное проявление которого явили нам между прочим последние события в Соединенных Штатах Северной Америки. Отныне для всех, истинно желающих освобождения Европы, должно быть ясно, что, сохраняя все свои симпатии к великим социалистическим и гуманитарным идеям, провозглашенным Французской Революцией, мы должны отбросить ее политику Государства и решительным образом воспринять политику свободы северо-американцев.

Глава I. ФЕДЕРАЛИЗМ

Мы счастливы возможностью объявить, что Женевский съезд единогласно приветствовал этот принцип. Сама Швейцария, которая, к слову сказать, применяет так удачно этот принцип на практике, присоединилась к нему без всякого ограничения и приняла его во всей широте и со всеми вытекающими из него последствиями. К сожалению, в резолюциях съезда этот принцип очень плохо формулирован и даже упомянут лишь косвенным образом, в одном месте, по поводу Лиги, которую мы должны основать, и затем ниже по поводу журнала, который мы должны издавать под заглавием «Соединенные Штаты Европы». Между тем, по нашему мнению, он должен бы был занимать первое место в нашей декларации принципов.

Это очень печальный пробел, который мы должны поспешить заполнить. Сообразуясь с единогласным решением Женевского съезда, мы должны провозгласить:

- 1) Что для того, чтобы восторжествовали свобода, справедливость и мир в международных отношениях Европы, для того, чтобы гражданская война между различными народами, составляющими европейскую семью, стала невозможной, есть только одно средство: образование Соединенных Штатов Европы.
- 2) Что Штаты Европы никогда не будут в состоянии образоваться из Государств в их нынешнем виде, по причине чудовищного неравенства между взаимоотношениями их сил.
- 3) Что пример покойной Германской Конфедерации доказал неоспоримым образом, что конфедерация монархий является насмешкой: что она бессильна гарантировать населению, как мир, так и свободу.
- 4) Что ни одно централизованное, бюрократическое и тем самым военное, государство, даже если бы оно называло себя республиканским, не сможет серьезным и искренним образом войти в международную конфедерацию. По своей конституции, которая всегда будет открытым или замаскированным отрицанием свободы внутри, оно необходимо будет постоянным вызовом к войне, постоянной угрозой существованию соседних стран. Основанное существенным образом на предшествующем акте насилия, завоевания или того, что называется в частной жизни, воровством со взломом, — акте, благословенном церковью, какой бы то ни было религии, освященном временем и в силу этого обратившемся в историческое право, — и опираясь на это божеское освящение торжествующего насилия, как на исключительное и высшее право, всякое централизованное государство тем самым, полагает себя, как абсолютное отрицание прав всех других государств, не признавая их в заключенных с ними договорах; иначе, как в видах политического интереса, или по бессилию.
- 5) Что все приверженцы Лиги должны будут, следовательно, направить все свои усилия к переустройству своих отечеств, дабы заменить в них старую организацию, основанную,

сверху, на насилии и принципе власти, новой организацией, не имеющей другого основания, кроме интересов потребностей и естественных влечений населения, ни другого принципа, кроме свободной федерации индивидуумов в коммуны, коммун в провинции[1], провинций в нации, наконец этих последних в Соединенные Штаты сперва Европы, а затем всего мира.

6) Следовательно, полнейшее уничтожение всего, что называется историческим правом государств; вопросы о естественных, политических, стратегических и торговых границах должны считаться отныне принадлежащими к древней истории и энергично отбрасываться всеми приверженцами Лиги.

7) Признание абсолютного права на полную автономию за всякой нацией, большой или малой, за всяким народом, слабым или сильным, за всякой провинцией, за всякой коммуной, при условии, чтобы внутреннее устройство одной из перечисленных единиц не являлось угрозой и опасностью для автономии и свободы соседних земель.

8) Из того обстоятельства, что какая-либо страна составляет часть какого-нибудь государства, для нее не вытекает никакого обязательства, даже если она присоединилась добровольно, оставаться всегда неразрывной с ним. Никакое вечное обязательство не может быть допущено человеческой справедливостью, единственной, с которой мы можем считаться, и мы никогда не признаем других прав, или других обязанностей, кроме тех, которые основаны на свободе. Право свободного соединения, равно как и свободного разрыва, есть первое и самое важное из всех политических прав; это право, без которого конфедерация всегда будет лишь замаскированной централизацией.

9) Из предшествующего вытекает, что Лига должна открыто воспретить всякий союз той или иной национальной фракции европейской демократии с монархическими государствами, даже если бы этот союз имел целью возвратить независимость или свободу угнетенной стране; — ибо такой союз, могущий привести лишь к разочарованиям, был бы в то же время изменой делу революции.

10) Наоборот, Лига, именно потому, что она Лига мира, потому что она убеждена, что мир не может быть завоеван и основан иначе, как на самой тесной и полной солидарности народов, на началах справедливости и свободы, должна громогласно провозгласить свое сочувствие каждому народному восстанию против всякого, как иностранного, так и внутреннего притеснения, лишь бы это восстание было сделано во имя наших принципов и в политических и экономических интересах народных масс, а не с властолюбивым намерением основать могущественное государство.

11) Лига будет вести ожесточенную войну со всем, что называется славой, величием и могуществом государств. Всем этим ложным и вредоносным идолам, которым были принесены в жертву миллионы людей, мы противопоставим славу человеческого разума, проявляющегося в науке, и идеал всемирного благоденствия, основанного на труде, справедливости и свободе.

12) Лига признает национальности, как естественный факт, имеющий бесспорное право на существование и свободное развитие, но не как принцип, — ибо всякий принцип должен

обладать характером универсальности, а национальность, напротив того, является лишь отдельным, исключительным фактом. Так называемый принцип национальности, в том виде, как он был поставлен в наши дни правительствами Франции, России и Пруссии, и даже многими немецкими, польскими, итальянскими и венгерскими патриотами, является лишь детищем реакции, противоположным духу революции: принцип в сущности в высшей степени аристократический, доходящий до презрения к народному говору неграмотного населения, отрицающий по своему существу свободу провинций и реальную автономию коммун, и поддерживаемый во всех странах не народными массами, чьими реальными интересами он систематически жертвует ради так называемого общего блага, всегда на деле являющегося лишь благом привилегированных классов; — этот принцип не выражает ничего другого, кроме пресловутых исторических прав и властолюбия государств. Итак, права национальностей будут всегда рассматриваться Лигой лишь как естественное следствие, вытекающее из высшего принципа свободы, и национальное право перестает считаться таковым, как только оно ставит себя против свободы или даже только вне свободы.

13) Единство есть цель, к которой непреодолимо стремится человечество. Но оно становится роковым, становится разрушителем просвещения, достоинства и процветания личностей и народов, всякий раз, когда стремится образоваться помимо свободы, посредством насилия или посредством авторитета какой-либо теологической, метафизической, политической или даже экономической идеи. Патриотизм, стремящийся к единству, помимо свободы, является дурным патриотизмом. Он всегда зловреден для действительных, народных интересов страны, которую он хочет возвысить и облагодетельствовать, часто, помимо воли, дружествен реакции, враждебен революции, т. е. освобождению народов и людей. Лига может признавать лишь одно единство: то, которое свободно образуется через федерацию автономных частей в одно целое, так что это последнее перестанет быть отрицанием частных прав и интересов, перестанет быть кладбищем, где насильственно погребаются все местные благополучия, а напротив того, станет подтверждением и источником всех этих автономий и благополучий. Лига будет, стало быть, мощно нападать на всякую религиозную, политическую, экономическую и социальную организацию, которая не будет всецело проникнута этим великим принципом свободы: без него нет ни просвещения, ни справедливости, ни благоденствия, ни человечности.

Таковы, господа, по нашему и без сомнения также по вашему мнению, необходимые последствия и развитие великого принципа Федерализма, громогласно провозглашенного Женевским съездом. Таковы необходимые условия мира и свободы.

Необходимые, да — но единственные ли? — Мы этого не думаем. Южные Штаты в великой республиканской конфедерации Северной Америки, были с провозглашения независимости республиканских Штатов, демократичными до преимуществу[2] и проникнутыми федеративным духом до желания идти на разрыв. И все же они в последнее время навлекли на себя осуждение всех в мире сторонников свободы и человечности, и своей бесстыдной и святотатственной войной против республиканских Штатов Севера чуть было не разрушили и не уничтожили самую лучшую политическую организацию из всех, когда-либо существовавших в истории. В чем причина такого странного факта? В политическом устройстве? Нет, она всецело в устройстве социальном. Внутреннее политическое

устройство Южных Штатов являлось даже, во многих отношениях, более совершенным, более свободным, чем устройство Северных Штатов. Только в этом великолепном устройстве было одно пятно, как и в древних республиках; свобода граждан была основана на насильственном труде рабов. Достаточно было этого пятна, чтобы перевернуть все политическое устройство этих государств.

Граждане и рабы — вот антагонизм, существовавший как в древнем мире так и в рабовладельческих государствах нового мира. Граждане и рабы, т. е. принужденные работники, рабы если не по праву, то на деле — вот антагонизм современного мира. И подобно тому как древние государства погибли от рабства, так современные государства погибли от пролетариата.

Напрасно старались бы утешиться мыслью, что это антагонизм скорее фиктивный, чем действительный, или, что невозможно провести демаркационной линии между имущими и неимущими классами, так как эти классы смешиваются один с другим, посредством множества промежуточных и неуловимых оттенков.

В естественном мире также не существует демаркационных линий; так, например, в восходящей серии существ невозможно указать точку, где кончается растительное и начинается животное царство, где кончается животное и начинается человечность. Тем не менее, существует вполне реальное различие между растением и животным, между животным и человеком. Также точно в человеческом обществе, несмотря на промежуточные звенья, делающие нечувствительным переход от одного политического и социального положения к другому, различие между классами очень определено, и всякий сумеет различить родовую аристократию от аристократии денежной, высшую буржуазию от мелкой буржуазии, а эту последнюю от пролетариев фабрик и городов; также точно как крупного землевладельца от крестьянина собственника, собственноручно обрабатывающего землю, наконец фермера от простого деревенского пролетария.

Все эти различные политические и социальные положения сводятся в настоящее время к двум главным категориям, диаметрально противоположным, естественно враждебным друг другу: политические[3] классы, составленные из всех привилегированных в отношении земледелия, капитала или даже лишь буржуазного образования[4] — и рабочие классы, обделенные как капиталом, так и землей, и лишенные всякого образования и обучения.

Надо быть софистом или слепым, чтобы отрицать бездну, разделяющую эти два класса. Подобно тому, как было в древнем мире, наша современная цивилизация, обнимая лишь очень ограниченное число привилегированных граждан, имеет в основе вынужденный (голодом) труд громадного большинства населения, фатально обреченного на невежество и грубость.

Напрасно также старались бы себя уверить, что эта бездна может быть заполнена простым распространением просвещения в народных массах. Прекрасное дело основывать народные школы; и, однако, надо еще спросить себя, может ли человек из народа, живущий изо дня в день и кормящий свою семью работой своих рук, лишенный сам образования и досуга, и принужденный убивать и отуплять себя работой, чтобы обеспечить своей семье хлеб

завтрашнего дня, — надо еще спросить себя, может ли такой человек иметь мысль, желание или даже возможность посылать своих детей в школу и содержать их во время их обучения? Не будет ли он нуждаться в помощи их слабых рук, их детского труда, чтобы удовлетворить все нужды семьи? Будет уже много, если он сделает жертву, отдав их в школу на год или на два, предоставляя им едва необходимое время, чтобы научиться читать, писать, считать и дать отравить свой ум и сердце христианским катехизисом, который так умело и щедро преподносится в официальных народных школах всех стран. Будет ли это скудное обучение когда-либо в состоянии поднять рабочие массы до уровня буржуазного образования? Будет ли когда-нибудь заполнена бездна?

Очевидно, что этот, столь важный вопрос народного образования и воспитания, зависит от разрешения другого, гораздо более трудного вопроса о коренном преобразовании нынешних экономических условий рабочих классов. — Возвысьте условия труда, отдайте труду все, что по справедливости принадлежит труду, и тем самым дайте народу обеспечение приобретать знания, благоденствие, досуг, и тогда, поверьте, он создаст цивилизацию, более широкую, здоровую, возвышенную, чем ваша.

Напрасно также повторять за экономистами, что улучшение экономического положения рабочих классов зависит от общего прогресса промышленности и торговли в каждой стране и от их окончательного освобождения от опеки и покровительства государств. Свобода промышленности и торговли является, конечно, великой вещью и одним из существенных оснований международного союза всех народов мира. Будучи друзьями свободы во чтобы то ни стало, всякой свободы, мы должны быть равным образом друзьями и этих свобод. Но с другой стороны, мы должны признать, что покуда будут существовать современные государства, покуда труд будет в крепостной зависимости у собственности и капитала, эта свобода, обогащая ничтожную часть буржуазии, во вред огромному большинству населения, породит лишь одно благо: расслабленность и полную деморализацию небольшого числа привилегированных; увеличение нищеты, обид и справедливого негодования рабочих масс, и тем самым приближение часа уничтожения государств.

Англия, Бельгия, Франция и Германия являются несомненно европейскими странами, где торговля и промышленность пользуются сравнительно наибольшей свободой и достигли наибольшего развития. И это именно те самые страны, где пауперизм (нищета) чувствуется наиболее жестоким образом, где бездна между собственниками и капиталистами с одной стороны и рабочими классами с другой, расширилась до степени, неизвестной другим странам. В России, в скандинавских странах, в Италии, в Испании, везде, где торговля и промышленность мало развиты, люди редко умирают с голода, разве только в случае какой-либо необычайной катастрофы. В Англии голодная смерть ежедневный факт. И не только отдельные единицы, тысячи, десятки, сотни тысяч умирают таким образом. Не очевидно ли, что при том экономическом положении, которое царит в настоящее время во всем цивилизованном мире, — свобода и развитие торговли и промышленности, удивительные приложения науки к производству и даже самые машины, имеющие целью освободить работника, облегчая человеческий труд, — что все эти изобретения, весь этот прогресс, которым справедливо гордится цивилизованный человек, далеки от того, чтобы улучшить положение рабочих классов, и лишь ухудшают его и делают еще более невыносимым.

Только Северная Америка является в значительной степени исключением из этого правила. Но отнюдь не нарушая правила, это исключение лишь подтверждает его. Если рабочие там лучше оплачиваются, чем в Европе, если никто там не умирает с голоду, если в то же время, классовый антагонизм там еще почти не существует, если все рабочие там граждане и вся масса граждан составляет как бы одно тело, наконец, если хорошее начальное и даже среднее образование широко распространено там в массах, то все это следует в значительной мере приписать, конечно, тому традиционному духу свободы, который первые колонисты привезли из Англии: рожденному, испытанному, укрепленному в великой религиозной борьбе, этому принципу индивидуальной независимости и коммунального и провинциального self government (самоуправления) благоприятствовало еще то редкое обстоятельство, что перенесенный в пустыню, он был освобожден так сказать от духовного гнета прошлого, и мог таким образом создать новый мир, — мир свободы. А свобода это такая чародейка, она одарена такой удивительной творческой силой, что вдохновляемая ею одной, Северная Америка, менее чем в столетие, смогла достичь цивилизации Европы, можно теперь сказать, даже превзошла ее. Но не надо вдаваться в обман. Этот удивительный прогресс и столь завидное благоденствие обязаны своим существованием в громадной мере и главным образом важному преимуществу Америки, общему ей с Россией: мы говорим об огромном количестве плодородной земли, которая остается и поныне необработанной за недостатком рабочих рук. По крайней мере, до сих пор, это огромное территориальное богатство было почти бесполезно для России, ибо мы никогда не обладали свободой. Иначе обстояло дело в Северной Америке, которая, благодаря свободе, подобной которой не существует нигде в мире, привлекает каждый год сотни тысяч энергичных, трудолюбивых и умных, колонистов и может их принимать у себя благодаря этому богатству. Последнее не дает развиваться пауперизму и отдалает в то же время момент возникновения социального вопроса: рабочий, не находящий работы или недовольный заработной платой, которую он получает в столице, всегда может в крайнем случае эмигрировать на дальний запад, чтобы распахать там какую-нибудь невозделанную, незанятую землю.

Эта возможность, всегда открытая для всех американских рабочих, за неимением лучшего, естественно поддерживает там заработную плату на достаточной высоте и предоставляет каждому независимость, неизвестную в Европе. Такова выгода. Но вот и невыгода: дешевизна промышленных продуктов зависит главным образом от дешевизны работы и, поэтому американские фабриканты в большинстве случаев не в состоянии конкурировать с европейскими фабрикантами, откуда вытекает необходимость протекционного тарифа для промышленности Северных Штатов. Результатами этого тарифа было во первых, искусственное создание массы промышленности и в особенности утеснение и разорение немануфактурных Южных Штатов, что заставило последних желать отделения; а во вторых, скопление в центрах, как Нью-Йорк; Филадельфия, Бостон и другие, рабочих пролетарских масс, которые мало-по-малу приходят в положение, аналогичное, положению рабочих в больших промышленных государствах Европы. И мы видим, в самом деле, что социальный вопрос уже выдвигается в Северных Штатах, подобно тому, как он выдвинулся много раньше у нас.

Итак, мы принуждены признать за всеобщее правило, что в нашем современном мире, если и не так всецело как в античном, все-же цивилизация основана на принудительном труде

меньшинства и относительном варварстве громадного большинства. Было бы несправедливо утверждать, что этот привилегированный класс чужд труда; напротив, в наши дни члены его много работают, число совершенно бездеятельных уменьшается чувствительным образом, труд начинают уважать в этой среде; ибо наиболее счастливые понимают уже теперь, что для того, чтобы остаться на уровне современной цивилизации, для того, хотя бы, чтобы быть в состоянии пользоваться ее привилегиями и сохранить их, надо много трудиться. Но между трудом достаточных классов и рабочих та разница, что труд первых оплачивается бесконечно лучше труда вторых, и потому оставляет привилегированным досуг, это необходимое условие человеческого, как умственного так и морального развития — условие, никогда не существовавшее для рабочих классов. Кроме того, труд производимый привилегированным миром, — почти исключительно нервный труд, — работа воображения, памяти и мысли; — между тем, как труд миллионов пролетариев, это труд мускульный и часто, как например, на фабриках, этот труд, упражняет не всю мускульную систему человека, а развивает лишь какую-нибудь часть ее во вред другим, и совершается обыкновенно в условиях вредных для здоровья тела и противных его гармоническому развитию. В этом отношении, земледelec гораздо более счастлив: его природа, не испорченная душной и часто отравленной атмосферой фабрик и заводов, не извращенная ненормальным развитием одной какой-нибудь способности во вред другим, остается более сильной, более полной, — но зато его ум является всегда более отсталым, неповоротливым и гораздо менее развитым, чем ум фабричных и городских рабочих.

В конце концов ремесленные и фабричные рабочие и земледельцы образуют вместе одну и ту же категорию, категорию мускульного труда, противоположную привилегированным представителям нервного труда. Каковы последствия этого разделения, не только не фиктивного, но вполне наглядного и составляющего самое основание современного, как политического, так и социального положения?

Для привилегированных представителей нервного труда, которые, кстати сказать, призваны быть его представителями не в качестве самых умных, но единственно потому, что родились в привилегированном классе — для них все благодеяния, но также и все губительные соблазны современной цивилизации: богатство, роскошь, комфорт, благоустройство, семейные радости, исключительная политическая свобода вместе с возможностью эксплуатировать труд миллионов рабочих и управлять ими по своей воле и в своих интересах, — все творения, все изощрения, воображения и мысли... и, вместе с возможностью стать цельными людьми, все отравы человечества, испорченного привилегиями.

Что же остается для представителей мускульного труда, для этих бесчисленных миллионов пролетариев или даже мелких земельных собственников? Безысходная нужда, отсутствие даже семейных радостей, ибо семья для бедного скоро становится бременем, невежество, дикость и, мы бы сказали даже, вынужденное звериное состояние с утешением, что они служат пьедесталом для цивилизации, свободы и испорченности меньшинства. — Но зато они сохранили свежесть ума и сердца. Нравственно оздоровленные трудом, хотя бы и вынужденным, они сохранили чувство справедливости, куда выше справедливости юрисконсультов и кодексов: сами несчастные, они сочувствуют всякому несчастью, они

сохранили здравый смысл, не испорченный софизмами докринарской науки и обманами политики, — и, так как они еще не злоупотребили жизнью и даже не использовали ее, они верят в жизнь.

Но, возразят, этот контраст, эта бездна между меньшинством привилегированных и огромным количеством обездоленных всегда существовала и теперь существует: что же изменилось? Изменилось то, что прежде эта бездна была заполнена религиозным туманом, так что народные массы ее не видели, а теперь, после того как Великая Революция отчасти разогнала этот туман, они также начинают видеть бездну и спрашивать о причине ее. Значение этого безмерно.

С тех пор, как Революция ниспослала в массы свое евангелие, не мистическое, а рациональное, не небесное, а земное, не божественное, а человеческое — свое евангелие прав человека; с тех пор, как она провозгласила, что все люди равны, что все одинаково призваны к свободе и человечности, — народные массы в Европе, во всем цивилизованном мире, мало по малу просыпаясь от сна, который их сковывал, с тех пор, как Христианство усыпило их своими маковыми цветами, начинают спрашивать себя, не имеют ли и они также права на равенство, свободу и человечность.

Как только этот вопрос был поставлен, народ, направляемый своим удивительным здравым смыслом, также как и своим инстинктом, всюду понял, что первым условием его действительного освобождения, или, если вы мне позволите это слово, его очеловечения, является коренное преобразование его экономических условий. Вопрос о хлебе является для него, по справедливости, первым вопросом, ибо еще Аристотель заметил: человек, чтобы мыслить, чтобы свободно чувствовать, чтобы сделаться человеком, должен быть свободен от забот материальной жизни. — Впрочем, буржуа, кричащие против материализма народа и проповедующие идеалистическое воздержание, знают это очень хорошо, ибо они проповедуют словами, а не примером. — Второй вопрос для народа, это досуг после работы, это необходимое условие человечности. Но хлеб и досуг не могут быть им получены иначе, как чрез коренное преобразование современного устройства общества, и этим объясняется, почему Революция, являясь логическим следствием своего собственного принципа, породила социализм.

Глава II. СОЦИАЛИЗМ

Французская Революция, провозгласив право и обязанность каждой человеческой личности стать человеком, пришла в своих последних выводах к Бабувизму. Бабеф, один из последних энергичных и чистых граждан, каких Революция создавала и убивала затем в таком количестве, и имевший счастье насчитывать в числе своих друзей таких людей, как Буонаротти, соединил в своем своеобразном мировоззрении политические традиции античного мира с совершенно современными идеями социальной революции. Видя, что Революция чахнет, за недостатком коренного преобразования, тогда впрочем, по всей вероятности, и невозможного по экономической структуре общества; верный, с другой стороны, духу этой Революции, которая кончила тем, что на место всякой личной инициативы поставила всемогущее действие государства, он измыслил политическую и социальную систему, согласно которой республика, выражающая собой коллективную волю граждан, должна была конфисковать всякую личную собственность и управлять ею в интересах всех, наделяя каждого в равной мере: воспитанием, обучением, средствами к существованию, удовольствиями, и принуждая всех без исключения, по мере сил и способностей каждого к мускульному и нервному труду. Заговор Бабефа не удался, он был гильотинирован вместе с несколькими друзьями. Но его идеал социалистической республики с ним не умер. Воспринятая его другом Буонаротти, величайшим заговорщиком нашего столетия, идея была передана последним, как священный залог, новым поколениям, и благодаря тайным обществам, основанным Буонаротти в Бельгии и Франции, коммунистические идеи дали ростки в народном воображении. — Они нашли с 1830 до 1848 года талантливых выразителей в Кабе и Луи Блане, которые окончательно основали революционный социализм.

Другое социалистическое течение, вытекшее из того же революционного источника, направляющееся к той же цели, но совершенно иным путем, течение, которое мы бы охотно назвали доктринерским социализмом, было основано двумя замечательными людьми: Сен-Симоном и Фурье. Сен-Симонизм был комментирован, развит, переработан и основан в виде почти практической системы, в виде церкви, «отцом» Анфантенон, вместе со многими друзьями, большая часть которых сделалась ныне финансистами и государственными людьми, особенным образом дреданными Империи. — Фурьеризм нашел своего истолкователя в «Мирной демократии», издававшейся до 2 декабря 1852 г. Виктором Консидераном.

Заслуга этих двух социалистических систем, впрочем, во многих отношениях различных, заключается главным образом в глубокой, научной, строгой критике современного общественного строя, чудовищные противоречия которого они смело раскрыли; — затем в том важном факте, что они с силой боролись и в значительной мере потрясли Христианство, во имя восстановления и оправдания материи и человеческих страстей, оклеветанных и в то же время так хорошо практикуемых христианскими священниками. Сен-Симонисты хотели поставить на место Христианства новую религию, основанную на мистическом культе плоти,

с новой иерархией священников, новых эксплуататоров толпы, привилегиями гения, способностей и таланта. Фурьеристы, гораздо более, и можно даже сказать, искренние демократы, придумали фаланстеры, управляемые избранными всеобщим голосованием вождями; фаланстеры, где каждый, по мысли фурьеристов, должен был найти себе работу и место в соответствии с личными вкусами. — Ошибки Сен-Симонистов слишком очевидны, чтобы стоило о них говорить. Двойная ошибка Фурьеристов заключалась, во первых, в том, что они искренно верили, что единственно силой убеждения и мирной пропаганды они съумеют до такой степени тронуть сердца богатых, что те, в конце концов, сами придут сложить у порога фаланстера излишек своих богатств; во вторых, в том, что они вообразили, что можно теоретически, а priori, построить социальный рай, в котором на веки успокоилось бы человечество. Они не поняли, что, хотя для нас и возможно предвозвестить великие принципы будущего развития человечества, тем не менее практическое осуществление этих принципов должно быть предоставлено опытам будущего.

Вообще регламентация была общей страстью всех социалистов до 1848 года, за исключением одного. Кабе, Луи Блан, Фурьеристы, Сен-Симонисты, все были одержимы страстью выдумывать и устраивать будущее, все были, более или менее, государственники.

Но вот явился Прудон, сын крестьянина, во сто раз больший революционер и в делах и по инстинкту, чем все эти доктринеры, буржуазные социалисты. Он вооружился критикой, столь же глубокой и проницательной, сколь неумолимой, чтобы уничтожить все их системы. Противупоставив свободу власти, он в противоположность этим государственным социалистам, смело провозгласил себя анархистом и имел мужество бросить в лицо их деизму или пантеизму заявление, что он просто атеист, или, точнее, позитивист, подобно Огюсту Контю.

Социализм Прудона, основанный, как на индивидуальной, так и коллективной свободе и на деятельности свободных ассоциаций, не подчиненный другим законам, кроме общих законов социальной экономии, как открытых уже наукой так и предстоящих еще открытию; стоящий вне всякой правительственной регламентации и всякого покровительства со стороны государства и подчиняющий политику экономическим, интеллектуальным и моральным интересам общества, должен был с течением времени прийти в силу необходимой последовательности, к Федерализму.

Таково было положение социальной науки до 1848 г. Poleмика газет, летучих листов и социалистических брошюр внедрила в сознание рабочих классов массу новых идей; умы были ими насыщены, и когда разразилась революция 1848 года, социализм проявился как мощная сила.

Как мы сказали, социализм был последним детищем великой революции; но до рождения этого последнего, она произвела на свет своего более прямого наследника, своего старшего сына, любимца Робеспьеров и Сен-Жюстов: чистый республиканизм, без примеси социалистических идей, перенесенный из античного мира и вдохновляемый героическими традициями великих граждан Греции и Рима. Гораздо менее человечный, чем социализм, этот республиканизм почти не принимает в расчет человека, а признает лишь гражданина; и между тем как социализм стремится основать республику людей, республиканизм желает

лишь республику граждан, если бы даже они, как это было при конституциях, явившихся естественным и необходимым следствием конституции 1793 года (так как эта последняя, после минутного колебания, сознательно умолчала о социальном вопросе) — если бы даже они, в качестве активных граждан (мы пользуемся выражением Учредительного Собрания), должны были основать свое благополучие на эксплуатации труда пассивных граждан. Впрочем, политический республиканец не является, по крайней мере в идее, эгоистом лично для себя, но он должен им быть для отечества, которое он должен ставить в своем свободном сердце выше себя самого, выше всех индивидумов, всех наций в мире, выше самого человечества. Следовательно, он никогда не будет знать международной справедливости; во всех спорах, будет ли его отечество право или нет, он будет становиться на его сторону, он будет желать, чтобы оно всегда имело верх и давило другие народы своим могуществом и славой. Он сделается, катясь по наклонной плоскости, завоевателем, — несмотря на то, что опыт веков показывает ему, что военные триумфы фатально приводят к цезаризму. Республиканец-социалист ненавидит государственное величие, могущество и военную славу, — он предпочитает им свободу и благоденствие. Федералист во внутренней политике, он стремится и к международной конфедерации, во первых, ради торжества справедливости, во вторых, потому, что экономическая и социальная революция может осуществиться, лишь переступив через искусственные и зловердные границы государств, путем солидарной деятельности всех, или по крайней мере, большей части наций, составляющих цивилизованный мир и что все, рано или поздно, должны будут соединиться под ее знаменем. Исключительно политический республиканец это — стоик; он не признает прав, а лишь обязанности, или подобно тому, как в республике Мадзини, он признает лишь одно право: право быть самоотверженным и жертвовать собой для отечества, жить лишь для служения ему и с радостью умирать за него, как говорится об этом в песне, которою Александр Дюма произвольно наделил Жирондистов: «Умереть за отечество это самый прекрасный, самый завидный жребий». Напротив того, социалист опирается на свое положительное право на жизнь и на все, как интеллектуальные и моральные, так и физические жизненные наслаждения. Он любит жизнь, он хочет полностью ее использовать. Так как его убеждения составляют часть его самого и его обязанности по отношению к обществу неразрывно связаны с его правами, то, чтобы сохранить верность и тем и другим, он сумеет жить по справедливости, как Прудон, и в случае нужды умереть, как Бабеф; но он никогда не скажет, что жизнь человечества должна быть жертвой и что смерть является самым сладким жребием. Для политического республиканца свобода лишь пустой звук; это свобода быть добровольным рабом, преданной жертвой государства; готовый всегда пожертвовать ради последнего собственной свободой, политический республиканец легко жертвует и свободой других. Итак, политический республиканизм необходимо приводит к деспотизму. Для республиканца же социалиста свобода, соединенная с благоденствием, и создающая всеобщую человечность посредством человечности каждого, это все, между тем как государство является в его глазах лишь орудием, служителем благоденствия и свободы всех и каждого. Социалист отличается от буржуа справедливостью, ибо он требует для себя лишь действительный плод своей работы; а от политического республиканца он отличается своим открытым человеческим эгоизмом: он живет откровенно и без фраз для самого себя, и знает что, делая это согласно со справедливостью, он служит всему обществу, а служа всему обществу, служит самому себе. Республиканец суров и часто из за патриотизма — как священник из за религии — жесток. Социалист естествен, умеренно патриотичен, но зато

всегда очень человечен. — Одним словом, между республиканцем-социалистом и политическим республиканцем целая бездна: один, как существо полу-религиозное, принадлежит прошлому; другому, позитивисту или атеисту, принадлежит будущее.

Этот антагонизм проявился в полной мере в 1848 году. С самого начала революции, республиканцы и социалисты не смогли прийти ни к какому соглашению: их идеалы, все их инстинкты влекли их в диаметрально противоположные стороны. Все время от февраля до июня прошло в распрях и спорах, которые, внося междоусобную войну в лагерь революционеров и парализуя их силы, естественно должны были склонить весы на сторону выросшей, до громадных размеров коалиции реакционеров всех оттенков, сплотившихся и смешавшихся с тех пор в одну общую партию под знаменем страха. В июне республиканцы, в свою очередь, соединились с реакцией, чтобы раздавить социалистов. Они полагали, что одержали победу, а на самом деле столкнули в бездну свою любимую республику. Генерал Кавеньяк, представитель чести знамени против революции, был предшественником Наполеона III. И это все тогда поняли, если не во Франции, то, по крайней мере, во всем остальном мире, ибо эта злополучная победа республиканцев над парижскими рабочими, была отпразднована, как великое торжество, всеми дворами Европы, и офицеры прусской службы, с генералами во главе, поспешили отправить адрес с братскими поздравлениями генералу Кавеньяку.

Напуганная красным призраком, европейская буржуазия впала в полное раболепство. По природе либеральная и задорная, она не обожает военного режима, но она высказалась за него в виду угрожающей опасности народного освобождения. Пожертвовав своим достоинством и своими славными завоеваниями XVIII-го и начала этого века, она полагала, что покупает мир и спокойствие, необходимые для успеха ее торговых и промышленных предприятий: «Мы вам жертвуем своей свободой», как бы говорила она военным властям, вновь водворявшимся на развалинах третьей революции, — «а взамен предоставьте нам возможность спокойно эксплуатировать народные массы и защитите нас от их претензий, которые могут казаться справедливыми в теории, но которые отвратительны с точки зрения наших интересов». Буржуазии все обещали и даже сдержали слово. Почему же буржуазия, вся европейская буржуазия, в настоящее время недовольна?

Она не рассчитала, что военный режим дорого стоит, что уже в силу своего внутреннего строения, он парализует, беспокоит, разоряет народ, и что, более того, верный логике, свойственной ему и которой он никогда не изменял, он имеет неизбежным последствием войну: войны династические, войны честолюбия, войны завоевательные или территориальные, войны равновесия — постоянное уничтожение и поглощение одних государств другими, реки человеческой крови, сожжение деревень, разорение городов, опустошение целых провинций, — и все это, чтобы удовлетворить честолюбие царствующих лиц и их фаворитов, чтобы их обогащать, чтобы занять, дисциплинировать народы и заполнить историю.

Теперь буржуазия понимает это, и вот она недовольна режимом, установлению которого она так сильно способствовала. Она устала от него; но чем она его заменит?

Конституционная монархия отжила свое время, да она никогда и не пользовалась особым успехом на континенте Европы; даже в Англии, этой исторической колыбели современного конституционализма, побежденная поднимающейся демократией, она поколеблена, качается и не будет уже скоро в состоянии противустоять натиску народных страстей и требований.

Республика? Но какая республика? Политическая ли только, или демократическая и социальная? Социалистично ли настроены народы? Да, более чем когда либо.

В 1848 году, погиб не социализм, вообще, а только государственный социализм, тот регламентарский, деспотический социализм, который верил и надеялся, что государство сможет удовлетворить потребности и законные стремления рабочих классов, что, вооруженное своим могуществом, оно захочет и будет в состоянии установить новый социальный строй. Итак, не социализм умер в июне; напротив того, государство объявило себя банкротом перед социализмом и, признав себя неспособным заплатить ему долг, в уплате которого обязалось, попробовало его убить, чтобы наиболее легким образом освободиться от этого долга. Оно не могло его убить, но оно убило веру, которую социализм в него имел, и тем самым уничтожило все теории государственного или доктринерского социализма, из которых одни, как «Икартия» Кабе, или «Организация труда» Луи Блана, советовали народу положиться во всем на государство, — а другие доказали свою нелепость в ряде смехотворных опытов. Даже банк Прудона, который мог бы процветать при более счастливых условиях, погиб под давлением всеобщей враждебности буржуазии.

Социализм проиграл это первое сражение по очень простой причине: он был богат инстинктивными стремлениями к лучшему и отрицательными теоретическими идеями, он был тысячу раз прав, споря против привилегий; но ему совершенно недоставало положительных, практических идей, которые необходимы, чтобы можно было построить на развалинах буржуазной системы новую систему, систему народной справедливости. Рабочие, сражавшиеся в июне за народное освобождение, выступали, объединенные инстинктом, а не идеей, — их смутные идеи составляли столпотворение Вавилонское, хаос, из которого ничего не могло выйти. Такова была главная причина их поражения. Следует ли из за этого сомневаться в будущности и во внешней мощи социализма? Христианству, поставившему своей целью основание царства справедливости на небе, нужно было несколько столетий, чтобы завоевать Европу. Нужно ли удивляться, что социализм, поставивший себе гораздо более трудную задачу — основание царства справедливости на земле, не одержал победу в несколько лет?

Господа, нужно ли доказывать, что социализм не умер? Чтобы в этом убедиться надо лишь бросить взгляд на то, что происходит в настоящее время во всей Европе. Позади всех дипломатических шашней и слухов о войне, наполняющих Европу с 1852 года, какой серьезный вопрос занимает все страны, если не вопрос социальный? Это великий незнакомец, чье приближение каждый чувствует, который всех заставляет трепетать и о котором никто не смеет говорить... Но он сам за себя говорит и, чем дальше, тем громче. Не доказывают ли рабочие кооперативные ассоциации, банки взаимопомощи и кредита труду, трэд-унионы, международная лига рабочих всех стран, одним словом, все непрестанно усиливающееся рабочее движение в Англии, Франции, Бельгии, Германии, Италии и

Швейцарии, не доказывает ли все это, что рабочие не отказались от своей цели, не потеряли веру в свое близкое освобождение? и что в то же время они поняли, что в деле приближения часа своего освобождения они не должны более рассчитывать ни на государства, ни на более или менее лицемерное содействие привилегированных классов, ни на самих себя и на свои собственные, независимые, совершенно свободно возникающие ассоциации?

В большинстве европейских стран, движение это, на вид, по крайней мере, чуждо политике, сохраняет исключительно экономический, и так сказать, частный характер. Но в Англии оно отчетливо стало на жгучую почву политики и, организовавшись в огромную лигу: «Лигу Реформы», уже одержало большую победу против политически организованных привилегий аристократии и высшей буржуазии. С чисто английским терпением и практической последовательностью, «Лига Реформы» (Reform League) начертала перед собой план действий; она ничего не страшится, ни перед чем не пасует, и не останавливается ни перед каким препятствием. «Не далее, как через десять лет», говорит она, беря в расчет самые большие препятствия, «мы будем иметь всеобщее избирательное право, и тогда»... тогда они сделают социальную революцию!

Как во Франции, так и в Германии, социализм, молчаливо подвигаясь вперед путем частных экономических ассоциаций, уже достиг такого могущества в среде рабочих классов, что Наполеон III с одной стороны, а с другой — граф Бисмарк, начинают искать союза с ним... В скором времени в Италии и в Испании, после плачевного фиаско всех других политических партий и в виду ужасного экономического положения обеих стран, всякий другой вопрос исчезнет перед вопросом экономическим и социальным. — А в России и в Польше есть ли в сущности другой вопрос? Это он разрушил последние надежды старой, исторической, дворянской Польши; — это он угрожает и вскоре уничтожит уже столь сильно поколебленное существование этой ужасной Всероссийской Империи. Даже в Америке, не проявился ли в полной мере социализм в предложении замечательного человека, бостонского сенатора г. Чарльса Сёмнера наделить землей освобожденных негров Южных Штатов?

Как вы видите, господа, везде проявляется социализм, несмотря на июньское поражение. Он, путем подпольной работы, постепенно проник в самые недра политической жизни всех стран, и везде дает о себе знать, как скрытая сила века. Еще несколько лет, и он выступит, как сила открытая и всемогущая.

За малым числом исключений, все народы Европы, многие даже не зная слова социализм, проникнуты в настоящее время социализмом, не знают другого знамени, кроме того, которое им возвещает, прежде всего их экономическое освобождение, и в тысячу раз охотнее отступятся от всякого другого вопроса, но не от этого. Итак, только социализмом можно увлечь их к политической деятельности, к хорошей политике.

Не достаточно ли сказанного, господа, чтобы убедиться, что нам непозволительно умолчать в своей программе о социализме, и что такое умалчивание наложило бы на все наше дело печать бессилия? Провозгласив себя в своей программе республиканцами-федералистами, мы достаточно выказали себя революционерами, чтобы отстранить от себя добрую часть

буржуазии: всех, кто спекулирует на нищете и несчастьях народов, кто ухитряется извлекать выгоду даже из великих катастроф, которые ныне, более чем когда-либо, обрушиваются на народы. Если мы оставим в стороне эту деятельную, подвижную, интригантскую, спекулянтскую часть буржуазии, то у нас еще останется большинство буржуа спокойных, трудолюбивых, делающих иногда зло, но скорей по необходимости, чем по доброй воле и склонности, и которые ничего бы так не желали, как быть освобожденными от этой фатальной необходимости, ставящей их в постоянное враждебное отношение с рабочим народом и в то же время разоряющей их самих. Нельзя не отметить, что в настоящее время мелкая буржуазия, мелкая промышленность и мелкая торговля начинают бедствовать почти так же, как и рабочие массы, и если дело будет идти в том же направлении, то это почтенное буржуазное большинство, по всей вероятности, сольется в экономическом отношении с пролетариатом. Крупная торговля, крупная промышленность и в особенности крупная и бесчестная спекуляция давят его, пожирают, толкают в бездну. Итак, положение мелкой буржуазии делается все более революционным и ее идеи, бывшие слишком долго реакционными, ныне, вследствие ужасных уроков, начинают проясняться и необходимо должны будут принять противоположное направление. Самые умные начинают понимать, что для сохранившей честность буржуазии нет более другого спасения, кроме союза с народом — и что она заинтересована в социальном вопросе не менее и с той же стороны, что и народ.

Это постепенное изменение в воззрениях мелкой буржуазии Европы является фактом, столь же утешительным, как и неоспоримым. Но не надо обманываться: инициатива нового движения будет принадлежать народу, а не ей; на западе — фабричным и городским рабочим; у нас, в России, в Польше и в большинстве славянских земель — крестьянам. Мелкая буржуазия сделалась слишком трусливой, нерешительной, скептической, чтобы взять на себя инициативу чего-либо; она дает себя увлечь, но сама никого не увлечет; ибо она столь же бедна верой и страстью, как и мыслями. Та страсть, которая разбивает препятствия и творит новые миры, находится исключительно у народа. Итак, неоспоримо, народу будет принадлежать инициатива нового движения. И мы бы умолчали о народе? И мы бы ничего не сказали о социализме, являющемся новой религией народа?

Но, скажут нам, социализм выказывает склонность заключить союз с цезаризмом. Во-первых, это клевета; напротив того, именно, цезаризм, видя на горизонте появление грозной силы социализма, стремится завладеть его симпатиями, чтобы эксплуатировать его в свою пользу. Но не является ли это для нас лишней причиной устремить сюда свою энергию, чтобы помешать этому чудовищному союзу, плодом которого явилось бы, конечно, самое большое несчастье, какое только может грозить свободе мира?

Мы должны высказаться в пользу социализма, даже и не принимая в расчет всех этих практических мотивов, ибо социализм это справедливость. Когда мы говорим о справедливости, мы подразумеваем не ту, которая заключена в кодексах и в римском праве, основанном в громадной степени на насильственных фактах, совершенных силой, освященных временем и благословениями какой-либо, христианской или языческой церкви, и, в качестве таковых, признанных за абсолютные принципы, из которых дедуктивно выведено все право[5], — мы говорим о справедливости, основывающейся единственно на совести людей, о справедливости, которую вы найдете в сознании каждого человека и даже

в сознании детей, и суть которой передается одним словом: уравнение.

Эта всемирная справедливость, которая, однако, благодаря насильственным захватам и религиозным влияниям, никогда еще не имела перевеса ни в политическом, ни в юридическом, ни в экономическом мире, должна послужить основанием нового мира. Без нее не может быть ни свободы, ни республики, ни благоденствия, ни мира. Она должна первенствовать во всех наших решениях, дабы мы могли деятельно способствовать установлению мира.

Эта справедливость повелевает нам взять на себя защиту интересов народа, до сих пор столь жестоко попираемых, и потребовать для него не только политической свободы, но и экономическое и социальное освобождение.

Мы не предлагаем вам, господа, ту или иную социалистическую систему. Мы лишь просим вас снова провозгласить этот великий принцип Французской Революции; каждый человек должен иметь материальные и духовные средства для развития всей своей человечности. Принцип этот, по нашему мнению, порождает следующую задачу: Организовать общество таким образом, чтобы каждый индивид, мужчина или женщина, находил, появляясь на свет, почти равные средства для развития своих различных способностей и для их использования своей работой: создать такое общество, которое бы поставило всякого индивида, кто бы он ни был, в невозможность эксплуатировать чужую работу, и позволяло бы ему участвовать в пользовании социальными богатствами, являющимися в сущности ничем иным, как производением человеческой работы, лишь постольку, поскольку он непосредственно способствовал их производству.

Полное осуществление этой проблемы будет, конечно, делом столетия. Но история выдвинула ее, и отныне мы не можем оставлять ее без внимания, не обрекая себя на полное бессилие.

Мы спешим прибавить что энергично отклоняем всякую попытку организации, которая была бы чужда самой полной свободы, как индивидов, так и ассоциаций, и требовала бы установления регламентирующей власти, какого бы то ни было характера. Во имя свободы, которую мы признаем за единственную основу, единственный законный творческой принцип всякой организации, как экономической, так и политической, мы всегда будем протестовать против всего, что хоть сколько-нибудь будет похоже на государственный социализм и коммунизм.

Единственная вещь, которую, по нашему мнению, может и должно сделать государство, это видоизменить мало-по-малу наследственное право, с целью как можно скорее достичь его полного уничтожения. В виду того, что наследственное право является всецело созданием государства, является одних из существенных условий самого существования принудительного и божественно установленного государства, оно может и должно быть уничтожено свободой в государстве; другими словами, государство должно раствориться в обществе, организованном на началах справедливости. Наследственное право, по нашему мнению, необходимо должно быть уничтожено, ибо пока наследство будет существовать, будет существовать наследственное экономическое неравенство, не естественное

неравенство индивидов, а искусственное неравенство классов, — а последнее необходимо будет всегда порождать наследственное неравенство в развитии и образовании умов и будет продолжать быть источником и освящением всех политических и социальных неравенств. Задачей справедливости является установить равенство для каждого, поскольку такое равенство будет зависеть от экономического и политического устройства общества, — равенство для каждого в исходной точке жизненного существования, так, чтобы каждый, руководимый собственной природой, был сыном своих собственных дел. По нашему мнению, единственным наследником умирающих должен быть общественный фонд для образования и обучения детей обоих полов, включая сюда и содержание их от рождения до совершеннолетия. В качестве славян и русских, мы можем прибавить, что у нас основной социальной идеей, основанной на всеобщем и традиционном инстинкте населения, является идея, что земля, собственность всего народа, может быть во владении лишь тех, кто обрабатывает ее собственными руками.

Мы убеждены, господа, что этот принцип справедлив, что он является существенным и неизбежным условием всякой серьезной социальной реформы и что поэтому западная Европа непременно должна будет в свою очередь, его признать и воспринять, несмотря на трудности его реализации в некоторых странах. Так, например, во Франции большинство крестьян уже пользуется земельной собственностью, но вскоре большая часть этих самых крестьян не будет пользоваться почти ничем, вследствие того раздробление земли, которое является неизбежным последствием преобладающей в настоящее время во Франции политико-экономической системы. Впрочем, мы воздерживаемся от всякого предложения по земельному вопросу, как и вообще мы воздерживаемся от всяких предложений, затрагивающих, тот или иной научный, или политико-социальный вопрос, убежденные, что все эти вопросы должны стать в нашей газете предметом серьезного и глубокого обсуждения. — Мы ограничимся сегодня тем, что предложим вам сделать следующую декларацию:

"Убежденная, что серьезное осуществление в мире свободы, справедливости и мира невозможно до тех пор, покуда огромное большинство людей остается обездоленным в отношении всех благ, лишенным образования и приговоренным к политическому и социальному ничтожеству и к фактическому, если не юридическому рабству, вследствие нищеты и необходимости работать без отдыха и передышки, производя все богатства, составляющие ныне гордость мира, и получая столь малую часть их, что ее едва достает для обеспечения хлеба на завтрашний день;

"Убежденная, что для всей массы населения, столь ужасно эксплуатируемой в продолжении столетий, вопрос хлеба является вопросом умственного освобождения, свободы и человечности;

"Убежденная что свобода без социализма, это привилегия, несправедливость, и что социализм без свободы станет рабством;

«Лига громко провозглашает необходимость коренного социального и экономического переустройства общества, которое бы вело к освобождению народного труда из под ига капитала и собственников, и было бы основано на самой строгой справедливости, но не

юридической, теологической или метафизической, а просто человеческой, на позитивной науке и самой полной свободе.

„Она объявляет в то же время, что ее газета широко откроет свои столбцы для всех серьезных статей по экономическим и социальным вопросам, если только эти статьи будут искренно воодушевлены желанием самого широкого народного освобождения, как в материальном отношении, так и с точки зрения политической и интеллектуальной“.

Изложив свои взгляды на федерализм и социализм, мы считаем, господа, своей обязанностью рассмотреть вместе с вами, еще третий вопрос, который мы считаем неразрывно связанным с двумя первыми вопросами, — т. е. религиозный вопрос, и мы просим у вас позволения резюмировать все наши взгляды по этому вопросу в одном слове, которое покажется вам, может быть, варварским:

Глава III. АНТИТЕОЛОГИЗМ

Господа, мы убеждены, что в мире не произошло ни одного крупного политического и социального изменения, которое бы не было сопровождаемо и часто предупреждаемо аналогичным движением в философских и религиозных идеях, управляющих сознанием индивидов и общества.

Все религии со своими богами были всегда ничем иным, как созданием верующей и лежковерной фантазии человека, еще не достигшего уровня чистого рассуждения и свободной, опирающейся на науку мысли. Религиозное небо было лишь миражем, в котором воспламененный верой человек, находил так долго свое собственное изображение, но увеличенное и отраженное. — т. е. обожествленное.

История религий, история величия и упадка следовавших друг за другом богов, является ничем иным, как историей развития ума и коллективного сознания людей. По мере того, как люди открывали в себе-ли, или вне себя, какую-нибудь силу, способность или качество, они приписывали их своим богам, чрезмерно увеличив их, расширив своей религиозной фантазией подобно тому, как это делают дети. Такими образом, благодаря великодушию и скромности людей, небо обогатилось добычей, отнятой у земли, и как естественное следствие, чем небо становилось богаче, тем беднее становилось человечество. Как только божество было признано, оно, естественно, было провозглашено господином, источником, вершителем всего: реальный мир стал существовать, как его отблеск, и человек, его бессознательный творец, пал на колени перед своим творением и объявил себя рабом, созданием божества.

Христианство является религией по преимуществу, именно потому, что оно представляет природу и сущность всякой религии, каковы: систематическое, абсолютное умаление, уничтожение и порабощение человечества в пользу божества, — высший принцип не только всякой религии, но и всякой метафизики, как деистической, так и пантеистической. Так как Бог — все, то реальный мир и человек — ничто. Так как Бог — истина, справедливость и бесконечная жизнь, то человек — ложь, несправедливость и смерть. Так как Бог господин, то человек — раб. Неспособный сам отыскать путь к справедливости и истине, он должен получить их, как откровение свыше, посредством посланников и избранников божьей милости. Если же существует откровение, должны существовать свыше вдохновленные пророки, должны существовать священники, а раз эти последние признаны за представителей божества на земле, за учителей и вождей человечества на пути к вечной жизни, то они тем самым получают миссию руководить, повелевать и управлять человечеством в его земном существовании. Все люди обязаны слепо верить им и беспрекословно им повиноваться; будучи рабами Бога, люди должны быть также рабами церкви и государства, поскольку это последнее благословлено церковью. Из всех существующих или существовавших религий, одно христианство в совершенстве это поняло, а из всех христианских сект, только римский католицизм провозгласил и

осуществил этот принцип с полной последовательностью. Вот почему христианство является религией абсолютной, последней религией; вот почему апостольская римская церковь является единой последовательной, законной и божественной.

Поэтому, не во гнев будь сказано всем полу-философам, всем так называемым, религиозным мыслителям — существование Бога логически связано с самоотречением человеческого разума и человеческой справедливости; оно является отрицанием человеческой свободы и необходимо приводит не только к теоретическому, но и к практическому рабству.

И, если только мы не хотим рабства, мы не можем и не должны делать никаких уступок теологии, ибо, имея дело с этим мистическим и строго последовательным алфавитом, всякий, начав с А, фатально дойдет до Z: всякий, желающий обожать Бога, должен будет отказаться от свободы и достоинства человека.

Бог существует, значит человек — раб. Человек разумен, справедлив, свободен, — значит Бога нет. Мы смело утверждаем, что никто не сможет выйти из этого круга; и в таком случае пусть выбирают.

Да и история нам показывает, что священники всех религий, за исключением лишь религий преследуемых, всегда были в союзе с тиранией. И даже преследуемые священники, хотя и они боролись против притесняющих их властей, проклинали их, тем не менее, подчиняли своих верующих принудительной дисциплине, и тем самым готовили элементы новой тирании. Духовное рабство какого угодно характера, будет всегда иметь своим естественным последствием рабство политическое и социальное. — В настоящее время, христианство во всех его различных видах, а также вышедшая из него доктринерская и деистическая метафизика, которая сущности не что иное, как замаскированная теология, является без всякого сомнения самым громадным препятствием для освобождения общества. Поэтому то все правительства, все государственные люди Европы, которые сами не являются ни теологами ни деистами, которые в глубине души не верят ни в Бога, ни в Дьявола, со страстью, с остервенением покровительствуют метафизике и религии, какой бы то ни было религии, лишь бы она, как это, впрочем делают все религии, проповедовала смирение, подчинение и терпение.

Остервенение, с каким правительства защищают религию, показывает, насколько для нас необходимо бороться с нею и уничтожить ее.

Нужно ли вам, господа, напоминать, какое деморализующее и пагубное влияние оказывает на народ религия? Она убивает в нем разум, это главное орудие человеческого освобождения, и, наполняя умы божественными нелепостями, доводит народ до отупения, главного источника всякого рабства. Она убивает в людях энергию к труду, который является для человека спасением и величайшей славой: в труде человек становится творцом, создает свой мир, создает основания и условия своего человеческого существования и завоевывает, как свободу, так и человечность. Религия убивает в людях производительную мощь, внедряя в них презрение к земной жизни в виду небесного блаженства, и уча их, что труд — это последствие проклятия или заслуженное наказание, а бездействие — божественная привилегия. — Религия убивает в людях справедливость, эту

строгую хранительницу братства и необходимое условие мира, наклоня всегда весы в сторону более сильных, на которых по преимуществу изливается божественная благодать, заботливость и благословение. Наконец, она убивает в них человечность, заменяя ее в их сердцах божественною жестокостью.

Все религии основаны на крови, ибо все, как известно, существенно опираются на идею жертвоприношения, т. е. постоянного заклания человечества ради ненасытной мстительности божества. В этом кровавом таинстве, человек всегда является жертвой, а священник, тоже человек, но человек возвышенный благодатью, — божественным палачом. Это объясняет нам, почему священники всех религий, и даже самые лучшие, самые человеческие, самые кроткие из них имеют почти всегда в глубине сердца, и если не в сердце, то по крайней мере, в уме и в воображении — а известно какое влияние, имеют эти последние на сердце, — нечто жестокое и кровожадное; и вот, когда повсюду возбуждался вопрос об уничтожении смертной казни, то все священники, римско-католические, московско-православные и греческие, протестантские — все единогласно высказались за ее сохранение.

Христианская религия, более чем всякая другая, была основана на крови и исторически окрещена в крови. Посчитайте миллионы жертв, которых эта религия любви и прощения заклала ради удовлетворения жестокой мести своего Бога. Вспомните пытки, которые она выдумала и применяла. И разве ныне она сделалась более кроткой? Нет, поколебленная равнодушием, она лишь сделалась бессильной, или лучше сказать, гораздо менее сильной, ибо к несчастью, она не лишена еще, даже в настоящее время, способности вредить. И посмотрите на страны, в которых, гальванизированная реакционными страстями, она с виду воскресает; не является ли ее первым словом — мщение и кровь, ее вторым словом отречение от человеческого разума, а заключением — рабство? Покуда христианство и христианские священники, покуда какая бы то ни было божеская религия будет продолжать иметь хотя бы малейшее влияние на народные массы, до тех пор не восторжествуют на земле разум, свобода, человечность и справедливость. Ибо, покуда народные массы останутся погруженными в религиозные суеверия, до тех пор они будут послушным орудием в руках всех земных деспотизмов, соединившихся против освобождения человечества.

Вот почему нам чрезвычайно важно освободить массы от религиозных суеверий, и не только из за любви к ним, но также и из за любви к самим себе, ради спасения нашей свободы и безопасности. Но эта цель может быть достигнута лишь двумя путями: распространением рациональной науки и пропагандой социализма.

Мы подразумеваем под рациональной наукой ту, которая освободилась от всех призраков метафизики и религии, и в то же время отличается от чисто экспериментальных и критических наук. Она отличается от них, во первых тем, что не ограничивает свои изыскания тем или другим определенным предметом, но старается охватить весь доступный познанию мир, до того же, что лежит за границами познания, ей нет никакого дела. Во вторых, она отличается от экспериментальных наук тем, что не пользуется, как эти последние, исключительно аналитическим методом, но позволяет себе прибегать и к синтезу, пользуясь довольно часто аналогией и дедукцией, хотя она придает своим

синтетическим выводам чисто гипотетическое значение, до тех пор, пока они не подтверждены самым строгим экспериментальным или критическим анализом.

Гипотезы рациональной науки отличаются от гипотез метафизики тем, что эта последняя, выводя свои гипотезы, как логические следствия из абсолютной системы, претендует заставить природу им подчиняться. Напротив того, гипотезы рациональной науки вытекают не из трансцендентной системы, а из синтеза, являющегося ничем иным, как резюме или общим выводом из множества доказанных на опыте фактов. Поэтому эти гипотезы никогда не могут иметь всенепременного, обязательного характера; они предлагаются в таком виде, чтобы их можно было отбросить сейчас же, как только они будут опровергнуты новыми опытами.

Рациональная философия или всемирная наука не действует аристократически, ни авторитарно, как это делала покойница метафизика. Эта последняя, организуясь сверху вниз, путем дедукции и синтеза, на словах признавала, правда, автономию и свободу отдельных наук, но на деле страшно их стесняла, до такой степени, что заставляла их признавать законы и даже факты, которых часто нельзя было найти в природе, и препятствовала им заниматься опытными исследованиями, результаты которых могли бы свести в небытие все ее спекуляции. — Как видите, метафизика действовала по методу централизованных государств.

Напротив того, рациональная философия является чисто демократической наукой. Она организуется свободно снизу вверх, и опыт признает своим единственным основанием. Ничто, не анализированное и не подтвержденное опытом или самой строгой критикой, не может быть ею воспринято; она не может принять ничего, что не было бы действительно анализировано и подтверждено опытом или самой строгой критикой. Поэтому, Бог, Бесконечное, Абсолют, — все эти столь любимые объекты метафизики, совершенно устраняются из рациональной науки. Она с равнодушием отворачивается от них, она смотрит на них, как на призраки или миражи. Но так как и призраки и миражи играют существенную роль в развитии человеческого ума, ибо человек обыкновенно достигает познания простой истины лишь после того, как он создал и пересоздал всевозможные иллюзии, и так как развитие человеческого ума является реальным предметом науки, — то естественная философия уделяет место и рассмотрению заблуждений. Она занимается ими лишь с точки зрения истории и старается в то же время показать нам как физиологические, так и исторические причины зарождения, развития и упадка религиозных и метафизических идей, а также их временную и относительную необходимость для развития человеческого духа. Таким образом, она отдает им всю справедливость, на которую они имеют право, потом отворачивается от них навсегда.

Ее предмет это реальный, доступный познанию мир. В глазах рационального философа, в мире существует лишь одно существо и одна наука. Поэтому он стремится соединить и координировать все отдельные науки в единую. Эта координация всех позитивных наук в единую систему человеческого знания образует Позитивную философию или всемирную науку. Наследница и в то же время полнейшее отрицание религии и метафизики, эта философия, уже издавна предчувствуемая и подготовляемая лучшими умами, была в первый раз создана в виде цельной системы, великим французским мыслителем Огюстом

Контом, который умелой и смелой рукой начертал ее первый план.

Координация наук, устанавливаемая позитивной философией, не является простым соединением их, это своего рода органическое сцепление, начинающееся с самой абстрактной науки, с той, которая занимается фактами самого простого порядка, а именно: с математики, и постепенно восходящее к наукам сравнительно более конкретным, занимающимся более сложными фактами. Таким образом, от чистой математики переходят к механике, к астрономии, потом к физике, химии, геологии и биологии, включая сюда классификацию, сравнительную анатомию и физиологию растений и затем животных и доходят до социологии, которая обнимает собой всю человеческую историю, как развитие человеческого Существа, коллектива и индивида, в политической, экономической, социальной, религиозной, артистической и научной жизни. Все эти науки, начиная с математики и кончая социологией, следуют непрерывно одна за другой. Единое Существо, единая наука и в сущности единый метод, который необходимо усложняется по мере того, как факты с которыми она имеет дело, становятся более сложными. Каждая последующая наука широко и всецело опирается на предыдущую и является, насколько позволяет это усмотреть современное состояние наших реальных познаний, ее необходимым развитием.

Любопытно отметить, что порядок наук, установленный Огюстом Контом, почти такой же, как в Энциклопедии Гегеля, величайшего метафизика настоящих и прошлых времен, который довел развитие спекулятивной философии до ее кульминационного пункта, так что движимая своей собственной диалектикой, она необходимо должна была прийти к самоуничтожению. Но между Огюстом Контом и Гегелем есть громадная разница. Этот последний в качестве истинного метафизика, спиритуализировал материю и природу, выводя их из логики т. е. из духа. Напротив того, Огюст Конт материализировал дух, основывая его единственно на материи. — В этом его безмерная заслуга и слава.

Так, психология, эта столь важная наука, служившая базой для метафизики, и рассматриваемая спекулятивной философией, как мир почти абсолютный, свободный и независимый от всякого материального влияния, в системе Огюста Конта, основывается единственно на физиологии и является ничем иным, как дальнейшим развитием этой последней. Так что, то, что мы называем умом, воображением, памятью, чувством, ощущением и волей, является в наших глазах лишь различными свойствами, функциями или проявлениями человеческого тела.

Рассматриваемые с этой точки зрения человечество, его развитие и история представляются нам в совершенно новом свете, более естественном, более широком, более человеческом, более плодотворном в поучениях для будущего. А раньше мы рассматривали человеческий мир как проявление теологической, метафизической и юридическо-политической идеи, — и в настоящее время должны возобновить его изучение, взяв за исходную точку природу, а за путеводную нить собственную физиологию человека.

На этом пути уже предчувствуется появление новой науки: социологии — т. е. науки о законах, управляющих развитием человеческого общества. Социология будет последней ступенью и увенчанием позитивной философии. История и статистика доказывают нам, что социальное тело, подобно всякому другому естественному телу, повинуетя в своих

эволюциях и видоизменениях общим законам, которые, повидимому, столь же неизбежны, как и законы физического мира. Выяснение этих законов из массы прошедших и настоящих исторических фактов, вот задача социологии. Помимо громадного интереса, представляемого ею для ума, она обещает в будущем большую практическую пользу; ибо подобно тому, как мы не можем властвовать над природой и видоизменять ее, согласно нашим прогрессивным нуждам, иначе, как лишь благодаря приобретенному нами знанию ее законов, так же точно мы будем в состоянии осуществить в социальной среде свободу и благоденствие, лишь опираясь на постоянные законы, управляющие этой средой. Раз мы признали что бездна, которая в воображении теологов и метафизиков разделяет дух и природу, не существует, мы должны рассматривать человеческое общество, как тело, разумеется, гораздо более сложное, чем другие, но столь же естественное и повинующееся тем же законам, с прибавлением законов, исключительно ему свойственных. Раз это признано, становится ясным, что знание и строгое исследование этих законов необходимы, дабы предпринимаемые нами социальные переустройства были живучи.

Но с другой стороны мы знаем, что социология наука едва лишь появившаяся на свет, что принципы ее еще не установлены. Если мы будем судить об этой науке, самой трудной из всех, по примеру других, то мы должны будем признать, что потребуются века, по крайней мере, одно столетие, чтобы она могла окончательно утвердиться и сделаться наукой серьезной и более или менее полной и самодовлеющей. Итак, как же поступать? Надо ли чтобы страдающее человечество ожидало избавления от давящих его несчастий столетие и более, до тех пор, пока окончательно установившаяся позитивная социология не объявит ему, что она, наконец, может дать указания и инструкции для рационального переустройства социальной жизни?

Нет, тысячу раз нет! Во-первых, чтобы ждать еще несколько столетий, нужно иметь терпение... по старой привычке, мы чуть было не сказали: терпение немцев, но вспомнили, что в настоящее время другие народы превзошли немцев в этой добродетели. Во вторых, если мы даже предположим, что у нас будет возможность и терпение ожидать, то чем бы явилось общество, представляющее собой лишь применение на практике науки, хотя бы самой полной и совершенной в мире? — Ничтожеством. Представьте себе мир, не заключающий в себе ничего, кроме того, что человеческий ум до сих пор заметил, узнал и понял, — не являлся ли бы этот мир дрянным домишкой, по сравнению с тем, который существует?

Мы полны уважения к науке: мы смотрим на нее, как на одно из самых драгоценных сокровищ, как на одну из лучших слав человечества. Наукой человек отличается от животного, своего меньшего брата в настоящем, своего предка в прошедшем, и становится способным быть свободным. Тем не менее, необходимо также признать, что у науки есть границы, и напомнить ей, что она не все, что она только часть всего и что все — это жизнь, бесконечная жизнь миров или, чтобы не потеряться в бесконечном и неведомом, жизнь нашей солнечной системы, или хотя бы нашего земного шара; наконец, еще более ограничивая себя; человеческий мир, — движение, развитие, жизнь человеческого общества на земле. Все это несравненно шире, глубже и богаче науки и никогда не будет ею исчерпано.

Жизнь, взятая в этом всеобъемлющем смысле, не является применением той или другой человеческой или божеской теории; жизнь, это — творение сказали бы мы охотно, если бы не боялись быть неправильно понятыми. Сравнивая народы, творящие свою собственную историю, с художниками, мы спросили бы: разве ждали великие поэты для создания своих великих произведений, чтобы наука раскрыла законы поэтического творчества? Не создали ли Эсхил и Софокл свои великолепные трагедии много раньше, чем Аристотель построил на основании их творений свою первую эстетику? Теориями ли вдохновлялся Шекспир? А Бетховен? Не расширил ли он созданием своих симфоний самые основания контрапункта? И чем бы было произведение искусства, созданное по правилам самой лучшей эстетики в мире? Повторяем еще раз, — ничтожеством. Но народы, творящие свою историю, по всей вероятности не беднее инстинктом, не слабее творческой мощью, не зависимее от гг. ученых чем художники!

Если мы колеблемся употребить слово творение, то только потому, что ему припишут смысл, который мы никак не можем допустить. Кто говорит о творении, говорит, как будто, и о творце, а мы отвергаем существование единого творца по отношению к человеческому миру так же точно, как и по отношению к физическому, которые оба составляют на наш взгляд, один нераздельный мир. Даже говоря о народах, творящих свою собственную историю, мы сознаем, что употребляем метафорическое выражение, неподходящее сравнение. Каждый народ является коллективным существом, обладающим, как психо-физиологическими, так и политико-социальными особенностями, которые индивидуализируют его в некотором роде, отличая от всех других народов. Но это не индивид, не единое и нераздельное существо, в реальном смысле слова. Как ни развито его коллективное сознание, как ни концентрирована бывает в минуту великого национального кризиса народная страсть или воля, как говорят, направленная к одной цели, никогда эта концентрация не сравняется с концентрацией сил реального индивида. Одним словом, ни один народ, как бы он ни чувствовал себя единым, не может сказать: я хочу! но должен сказать: мы хотим! Только индивид имеет обыкновение говорить: я хочу! И если вы услышите, что говорят от имени всего народа: он хочет! будьте уверены, что за этим словом скрывается какой-нибудь узурпатор: человек или партия.

Итак, мы не подразумеваем здесь под словом творение, ни теологическое или метафизическое творение, ни художественное, научное, промышленное или какое-либо другое творение, за которым скрывается творящий индивид. Мы подразумеваем под этим словом просто продукт бесконечно-сложного комплекса бесчисленного множества очень различных причин, больших или малых, из которых часть известна, но громадное большинство остается еще неизвестным, и которые, в определенный момент, скомбинировавшись между собой, понятно, не без причины, но без преднамерения, без предначертанного плана, создали данный факт.

Но, скажут, в таком случае, история и судьбы человеческого общества должны представлять хаос и быть игрушкой случая? Напротив, лишь когда история свободна от всякого божеского и человеческого произвола, она являет нашим глазам все подавляющее и в то-же время рациональное величие своего необходимого развития, подобно органической и физической природе, чьим непосредственным продолжением она является. Природа, несмотря на неисчерпаемое богатство и разнообразие составляющих ее существ, нисколько не представляет собой хаоса, а напротив великолепно организованный мир, где каждая

часть сохраняет, так сказать, необходимое логическое соотношение со всеми остальными. Но, скажут, значит был устроитель? Нисколько; устроитель, хотя бы и Бог, мог бы лишь испортить своим личным произволом естественное устройство и логическое развитие вещей. И мы видим, что во всех религиях главное свойство божества это быть превыше, то есть против всякой логики и всегда иметь свою собственную, особенную логику: а именно, логику естественной невозможности или нелепости[6]. Ибо, что такое логика, если не естественный ход и развитие вещей, или естественный путь, посредством которого множество определяющих причин производят факт? Итак, мы можем высказать следующую простую и в то же время решительную аксиому: Все, что естественно — логично, и все что логично — существует и должно осуществиться в реальном мире: в природе, в собственном смысле, слова и в ее дальнейшем развитии — в естественной истории человеческого общества.

Итак, вопрос в том, что логично в природе и в истории? Это не так легко определить, как можно думать при первом взгляде. Ибо, чтобы знать это в совершенстве так, чтобы никогда не ошибаться, надо обладать познанием всех причин, влияний, действий и противодействий, определяющих природу какой-либо вещи или факта, не исключая ни одной причины, хотя бы самой отдаленной или слабой. А какая философия или наука может похвалиться, что она в состоянии обнять и исчерпать все это своим анализом? Чтобы претендовать на это, надо быть очень бедным умом или очень мало сознавать бесконечное богатство действительного мира.

Надо ли из-за этого сомневаться в науке? Надо ли отбрасывать ее потому что она дает нам лишь то, что может дать? Это было бы новым безумием и много более зловредным, чем первое. Если вы потеряете науку, то за отсутствием света, вы возвратитесь к состоянию наших предков, горилл, и вам придется положить несколько тысяч лет на повторение всего пути, которым должно было пройти человечество, при фантасмагорическом блеске религии и метафизики, чтобы снова добраться, правда, до не совершенного, но, по крайней мере, реального света, которым мы в настоящее время обладаем.

Самым большим и решительным триумфом, достигнутым наукой в наши дни, является, как мы уже сказали, подведение психологии под биологию. Наука установила, что все интеллектуальные и моральные акты, отличающие человека от всех других пород животных, каковы мысль, проявление человеческого понимания и сознательной воли, имеют своим единственным источником чисто материальную, хотя, конечно, более совершенную организацию человека, без всякого спиритуального или нематериального воздействия. Одним словом, они являются ничем иным, как продуктами различных комбинаций чисто физиологических функций мозга.

Значение этого открытия безмерно, как для науки, так и для жизни. Благодаря ему, становится, наконец, возможной вся наука о человеческом мире, включая сюда антропологию, психологию, логику, мораль, социальную экономию, политику, эстетику, теологию с метафизикой, становится возможной история, одним словом, вся социология. Между человеческим и естественным миром нет больше разрыва непрерывности. Но подобно тому, как, мир органический, являющийся непрерывным и прямым развитием неорганического мира, однако, существенно отличается от него введением нового

активного элемента: органической материи, происшедшей, не благодаря вмешательству какой-нибудь нематериальной причины, а от неизвестных нам доныне комбинаций той же самой неорганической материи, и производящей в свою очередь на основе и в условиях этого неорганического мира, высшим результатом которого она сама является, все богатство растительной и животной жизни; — также точно человеческий мир, являясь ничем иным, как непосредственным продолжением органического мира, существенно отличается от него новым элементом: мыслью, рожденной чисто физиологической деятельностью мозга и производящей в то же время среди этого материального мира и в органических и неорганических условиях, последним резюме, которых так сказать она является, все то, что мы называем интеллектуальным и моральным, политическим и социальным развитием человека — историю человечества.

Для людей, мыслящих действительно логично и чей ум достиг уровня современной науки, это единство Мира или Сущего является отныне установленным фактом. Но нельзя не признать, что этот простой и до такой степени очевидный факт, что все противоречащее ему представляется нам теперь уже нелепым, что этот факт находится в самом кричащем противоречии с мировым сознанием человечества. Последнее, проявляясь в истории в самых различных формах, всегда, однако, единогласно высказывалось за существование двух различных миров: мира божеского и мира реального. Начиная с грубых фетишистов, обожавших в окружившем их мире проявление сверхъестественной силы, воплощенной в каком-нибудь материальном объекте, все народы верили, все народы верят до сего дня в существование какого то божества.

Это подавляющее единодушие имеет, по мнению многих людей, более веса, чем какие бы то ни было научные доказательства. И если логика небольшого числа последовательных, но одиноких мыслителей противоречит всеобщему мнению, — тем хуже, говорят они, для этой логики. Ибо единодушное всемирное приятие какой-нибудь идеи всегда считалось самым победоносным доказательством ее истинности, и это на том основании, что чувство, общее всем людям и всех временам, не может быть ошибочным. Оно должно иметь корень в потребности, существенно присущей природе человечества. А если правда, что, повинаясь этой потребности, человек необходимо должен верить в существование Бога, то в таком случае тот, кто не верит в Бога, является ненормальным исключением, чудовищем, хотя бы его неверие основывалось на логике.

Вот излюбленная аргументация теологов и метафизиков наших дней, и даже знаменитого Мадзини, который не может обойтись без Бога. Он нуждается в Боге, чтобы основать свою аскетическую республику, и убедить народные массы согласиться на нее, народные массы, чьей свободой и благоденствием он систематически жертвует, ради величия идеального Государства.

Таким образом, древность и общераспространенность верования в Бога являются, в противность всякой науке и всякой логике, неоспоримыми доказательствами существования Бога. Но почему же? До появления Коперника и Галилея весь мир, за исключением, может быть, Пифагорийцев, верил, что солнце обращается вокруг земли. Разве всеобщее верование доказывало истинность этого предположения? С начала появления общества в истории до наших дней, всегда и везде незначительное господствующее меньшинство

эксплуатировало вынужденный труд рабочих масс, рабов или наемников. Следует ли из этого, что эксплуатация паразитами чужого труда не есть несправедливость, грабеж, воровство? Вот два примера, доказывающие, что аргументация наших современных действий ничего не стоит.

И в самом деле, нет ничего более универсального, более древнего, как нелепости; напротив того, истина, относительно гораздо моложе, являясь всегда результатом, продуктом исторического развития, а не его исходной точкой. Ибо человек, по своему происхождению, если не прямой потомок гориллы, то двоюродный брат, его начал с глубокой ночи животного инстинкта, чтобы постепенно достичь света разума. Это нам вполне объясняет все его прошедшие нелепости и утешает нас отчасти в его настоящих заблуждениях. Все историческое развитие человека ни что иное, как прогрессивное удаление от чистой животности посредством создания своей человечности. Отсюда следует, что древность какой-нибудь идеи, не только не может говорить в пользу этой идеи, но, напротив, должна нам сделать ее подозрительной. Что касается общераспространенности заблуждения, то она доказывает лишь одно: тождественность человеческой природы во все времена и во всех климатах. И так как все народы во все эпохи верили и верят в Бога, не поддаваясь этому факту, конечно бесспорному, но который не может перевесить в наших глазах ни логику, ни науку, мы должны просто отсюда заключить, что идея божества, порожденная, без сомнения, нами самими, является необходимым заблуждением в развитии человечества. Мы должны спросить себя, каким образом, почему она родилась и почему она остается необходимой для громадного большинства человеческого рода и до сих пор?

Покуда мы не будем в состоянии дать себе отчет, каким образом родилась идея сверхъестественного или божественного мира, и должна была необходимо родиться в естественном развитии человеческого ума и человеческого общества, до тех пор, как бы мы ни были научно убеждены в нелепости этой идеи, мы никогда не сможем уничтожить ее в мнении толпы, так как, не зная источника ее происхождения, мы никогда не будем в состоянии атаковать ее в самых глубинах человеческого существа. Приговоренные к бесплодной, бесконечной борьбе, мы должны будем довольствоваться тем, что будем сражаться с ней на поверхности, в ее тысячных проявлениях, нелепость которых, едва пораженная ударами здравого смысла, будет сейчас же возрождаться в новой и не менее бессмысленной форме, ибо покуда корень верования в Бога остается невредимым, до тех пор он всегда будет давать новые отпрыски. Так, например, в некоторых кругах современного цивилизованного общества, спиритизм стремится в настоящее время занять место развалившегося христианства.

Более того, ради нас самих, нам необходимо отдать себе отчет в происхождении веры в Бога. Ибо, покуда мы не узнали причины исторического, естественного зарождения этой идеи в человеческом обществе, то, сколь бы мы не называли себя атеистами, мы всегда можем подпасть влиянию голоса этого всеобщего сознания, секрет, т. е. естественная причина которого нам неизвестна. И в виду естественной слабости индивида против окружающей его социальной среды, мы рискуем рано или поздно сделаться рабом религиозной нелепости. Примеры этих плачевных обращений не редки в современном обществе.

Господа, мы более, чем когда-либо убеждены в нетерпящей отлагательства необходимости вполне разрешить следующий вопрос:

Так как человек составляет одно целое со всей природой и является лишь продуктом бесконечного множества исключительно материальных причин, то каким образом могла родиться, установиться и глубоко укорениться в человеческом сознании идея дуализма: предположение существования двух противоположных миров, одного духовного, другого материального, одного божественного, другого естественного?

Мы настолько убеждены, что от разрешения этого важного вопроса зависит наше окончательное и полное освобождение от цепей всякой религии, что просим у вас позволения изложить свои мысли по этому вопросу.

Многим покажется, пожалуй, странным, что в политическом сочинении, обсуждаются вопросы метафизики и теологии. Но по нашему глубочайшему убеждению эти вопросы не могут быть отдалены от вопросов социальных и политических. Реакционный мир, толкаемый непобедимой логикой, становится все более религиозным. Он поддерживает в Риме папу, он преследует в России естественные науки, он ставит во всех странах свои военные, гражданские, политические и социальные несправедливости под защиту Бога, которого он защищает в свою очередь в церквях и в школах, с помощью лицемерно религиозной, раболепной, низко-поклонной, тяжеловесно-педантичной науки и всеми другими средствами, находящимися в распоряжении Государства. Царство Бога на небе, выражающееся в явном или тайном царстве кнута и узаконенной эксплуатации рабочих масс на земле — таков религиозный, социальный, политический и совершенно логичный идеал реакционных партий в Европе. В противность этому, революция должна быть атеистична. Ибо исторический опыт и логика доказали, что достаточно одного господина на небе, чтобы тысячи господ расплодились на земле.

Наконец, не является ли социализм по самой цели своей, которая заключается в осуществлении на земле, а не на небе, человеческого благоденствия и всех человеческих стремлений, завершением и, следовательно, отрицанием всякой религии, которая не будет более иметь никакого основания к существованию, раз ее стремления будут осуществлены?

Излагая свои мысли насчет происхождения религии, мы постараемся быть как можно более краткими и умеренно-отвлеченными.

Не углубляясь в философские размышления о природе Сущего, мы считаем возможным признать за аксиому следующее положение: Все, что существует, все Существа, составляющие бесконечный мир Вселенной все существовавшие в мире предметы, какова бы ни была их природа в отношении качества или количества, большие, средние или бесконечно малые, близкие или бесконечно далекие — взаимно оказывают друг на друга, помимо желаний и даже сознания, непосредственным или косвенным путем, действие и противодействие. Эти то непрестанные действия и противодействия, комбинируясь в единое движение, составляют то, что мы называем всеобщей солидарностью, жизнью и причинностью. Называйте, если это вам нравится, эту солидарность Богом или Абсолютом; нам все равно, лишь бы вы не придавали этому Богу другого значения, кроме того, которое

мы только что установили: значение всемирной, естественной, необходимой, но отнюдь не predetermined, не предвиденной комбинации бесконечного множества частных действий и противодействий. Эту всегда движущуюся и действенную солидарность, эту всемирную жизнь мы можем разумно — предполагать, но никогда не можем охватить даже нашим воображением, и еще менее познать. Ибо мы можем познавать лишь то, что доступно нашим чувствам, а эти последние охватывают лишь бесконечно малую часть Вселенной. Само собой разумеется, мы понимаем эту солидарность, не как нечто абсолютное, как первопричину, но, наоборот, как производное,[7] вытекающее из одновременного действия всех частных причин, которое и составляет именно всемирную причинность. Определив ее таким образом, мы можем теперь сказать, не боясь какой бы то ни было двусмысленности, что всемирная жизнь творит миры. Это она определила геологическое, климатологическое и географическое строение нашей земли, и покрыв ее поверхность всеми великолепиями органической жизни, продолжает творить еще человеческий мир: общество со всеми формами его прошедшего, настоящего и будущего развития.

Теперь ясно, что в творении, понятом в этом смысле, нет места ни предвзятым планам, ни предустановленным, предусмотренным законам. В действительном мире все факты, произведенные течением бесчисленных влияний и условий, появляются прежде, — потом уже является вместе с мыслящим человеком сознание этих фактов и более или менее подробное и совершенное знание, каким образом они произошли. Когда мы замечаем, что в каком-нибудь ряде фактов часто или почти всегда повторяется один и тот же ход процесса, то мы называем это законом природы.

Под словом природа мы подразумеваем не какую-либо мистическую и пантеистическую идею, а просто сумму всего существующего, всех явлений жизни и процессов, их творящих. Очевидно, что в природе, определенной таким образом, одни и те же законы всегда воспроизводятся в известных родах фактов. Это происходит без сомнения, благодаря течению тех же условий и влияний, и, может быть, также, благодаря раз на всегда установившимся тенденциям непрестанно текучего творения, — тенденциям, которые в силу частого повторения, сделалась постоянными. Только благодаря этому постоянству в ходе естественных процессов, человеческий ум мог констатировать и познать то, что мы называем механическими, физическими, химическими и физиологическими законами; только благодаря ему объяснимо почти постоянное повторение животных и растительных родов, пород и разновидностей производимых до сих пор органической жизнью на земле. Это постоянство и эта повторяемость выдерживаются, однако, не вполне. Они всегда оставляют широкое место для так называемых — и не вполне точно называемых — аномалий и исключений. Название это очень неправильно, ибо факты, к которым оно относится, показывают лишь, что эти общие правила, принятые нами за естественные законы, являются не более, как абстракциями, извлеченными нашим умом из действительного развития вещей, и не в состоянии охватить, исчерпать, объяснить все беспредельное богатство этого развития. Кроме того, как это превосходно доказал Дарвин, эти, так называемые аномалии, посредством частого сочетания между собой и тем самым дальнейшего укрепления своего типа, создают, так сказать, новые пути творения, новые образы воспроизведения и существования, и являются именно путем, посредством которого органическая жизнь рождает новые разновидности и породы. Таким образом, органическая жизнь начав с едва организованной клеточки и проведя ее через все видоизменения,

вначале растительной, а потом животной организации, сделала из нее человека.

Остается ли человек последним и самым совершенным органическим созданием на земле? Кто может поклясться, что через несколько десятков или сотен веков от самой высшей разновидности человеческой породы не произойдет порода существ, высших чем человек, которые будут относиться к человеку, как он относится к горилле? Во всяком случае пусть наше тщеславие успокоится. Природа действует очень медленно, а в настоящем состоянии человечества ничто не указывает, что бы оно могло породить из себя высшую породу существ. Впрочем разве природа не продолжает свой непрерывный труд непрестанного творения в историческое развитие человеческого рода? Не ее вина, если мы в нашем уме отделили мир человеческого общества от того, что мы исключительно называем естественным миром.

Причина этого разделения лежит в самой природе нашего разума; который существенным образом отличает человека от животных всех других пород. Мы должны, однако, признать, что человек не единственное земное животное, одаренное умом. Напротив того, сравнительная психология доказывает, что не существует животного, которое было бы совершенно лишено ума и что чем ближе какая-либо порода по своей организации и в особенности по строению своего мозга к человеку, тем более развит и значителен ее ум. Но только в человеке ум достигает такой степени развития, при которой его можно назвать мыслительной способностью, при которой он может комбинировать представления как внешних, так и внутренних объектов, данных нам чувствами, создавать из них группы, затем сравнивать и заново комбинировать эти различные группы, которые уже не являются реальными существами, объектами наших чувств, но лишь понятиями, созданными первым действием способности, называемой рассудком, сохраненными нашей памятью, и последующее комбинирование при помощи этой самой способности образует то, что мы называем идеями. Затем, из всего этого человеческий ум выводит следствия или логически необходимые применения. Увы, мы часто встречаем людей, не достигших еще всецелого обладания этой способностью, но мы никогда не видели и даже не слышали, чтобы какое-нибудь животное низшей породы обладало этой способностью, разве что нам приведут в пример Валаамову ослицу или некоторых других животных, в которые верить и уважать которых убеждает нас религия. Итак, мы можем сказать, не боясь быть опровергнутыми, что из всех животных, существующих на земле, один человек мыслит.

Он один одарен способностью абстракции, укрепленной и развитой в человеческой породе, конечно, вековым упражнением. Способность эта, постепенно внутренне возвышая человека над всеми окружающими предметами, над всем, так называемым, внешним миром, и даже над ним самим, как индивидом, позволяет ему понять, создать идею всеобщности Существ, идею Вселенной, Бесконечного, или Абсолюта, — идею вполне абстрактную и, если хотите, лишенную всякого содержания, и тем не менее, являющуюся всецельной и служащей причиной всех дальнейших завоеваний человека, ибо она одна отрывает человека от пресловутого блаженства и тупоумной невинности животного рая, и ведет его к триумфам и бесконечным волнениям беспредельного развития.

Благодаря этой способности абстракции, человек возвышается над непосредственным давлением, производимым всеми внешними предметами на каждого индивида, и таким

образом может сравнивать одни предметы с другими и исследовать их взаимоотношения. Вот начало анализа и экспериментальной науки. Благодаря этой способности, человек раздвояется в самом себе, возвышается над своими собственными побуждениями, инстинктами и различными аппетитами, поскольку они преходящи и частны, и это дает ему возможность сравнивать их между собою, подобно тому, как он сравнивает внешние предметы и движения, и становится на сторону одних против других, сообразуясь с создававшимся в нем (социальным) идеалом. Вот уже пробуждение сознания и того, что мы называем волей.

Обладает ли человек, в самом деле, свободной волей? Да и нет, в зависимости от того как понимать это выражение. Если под свободной волей подразумевается *liberum arbitrium*, т. е. предполагаемая способность человеческого индивида свободно самоопределяться, независимо от всякого внешнего влияния; если, подобно тому, как это делали все религии и все метафизики, претендуют через эту свободу воли поставить человека вне всемирной причинности, определяющей существование всех вещей и делающей их зависимыми друг от друга, то мы отбрасываем эту свободу как нелепость, ибо ничто не может существовать вне всемирной причинности.

Непрестанное действие и противодействие всего на всякую отдельную точку и всякой отдельной точки на все составляют, как мы сказали, жизнь, высший, творческий закон и всеединство миров, которое всегда в одно и то же время и производит и само является продуктом. Вечно деятельная, вечно всемогущая эта всемирная солидарность, эта взаимная причинность, которую мы будем называть, с этих пор, просто природой, создала, как мы сказали, среди бесчисленного множества других миров, нашу землю, со всей лестницей существ от минерала до человека. Она постоянно воспроизводит их, развивает, кормит, сохраняет: потом, когда наступает их срок, и часто даже раньше, чем он наступил, она их уничтожает или, лучше сказать, преобразует в новые существа. Итак, она, это всемогущество, по отношению к которому не может быть никакой независимости или автономии. Она, это высшее существо, обнимающее и проникающее своим непреодолимым действием все бытие существ, и между живыми существами нет ни одного, который бы не носил в себе, понятно в более или менее развитом состоянии, чувство или ощущение этого всевышнего влияния и абсолютной зависимости, — Вот это ощущение, это чувство и составляют основание всякой религии.

Религия, как видите, подобно всему человеческому, имеет свой первый источник в животной жизни. Невозможно сказать про какое бы то ни было животное, кроме человека, что оно имеет религию; ибо самая грубая религия предполагает всетаки известную степень мыслительной способности, до какой не возвышается ни одно животное, кроме человека. Но невозможно также отрицать, что в существовании всех без исключения животных заключаются все, так сказать, материальные, составные элементы религии, за исключением, конечно, ее идеальной стороны, той именно, которая рано или поздно ее уничтожит, — мысли. В самом деле, какова действительная сущность всякой религии? Это именно чувство абсолютной зависимости преходящего индивида от вечной и всемогущей природы.

Нам трудно наблюдать это чувство и анализировать все его проявления в животных низших пород. Однако, мы можем сказать, что инстинкт самосохранения, наблюдаемый в сравнительно самых простых организмах, конечно в меньшей степени, чем в высших организмах; является ничем иным, как своего рода обычной мудростью образующейся в каждом индивидуе под влиянием того чувства, которое, как мы сказали, является ничем иным, как религиозным чувством. В животных, одаренных более полной организацией и более близких к человеку, это чувство проявляется более чувствительным образом, например, в инстинктивном и паническом страхе охватывающем их иногда при приближении какой-нибудь великой, естественной катастрофы, каковы землетрясение, лесной пожар, сильная буря. Вообще, можно сказать, что страх является одним из преобладающих чувств в животной жизни. Все животные, живущие на свободе, дики, и это доказывает, что они живут в непрестанном, инстинктивном страхе, что они всегда чувствуют опасность, т. е. всемогущее влияние, которое их преследует, проникает и охватывает всегда и всюду. Этот страх, страх Бога, как сказали бы теологи, есть начало мудрости, т. е. религии. Но у животных он не становится религией, ибо им недостает той мощи мышления, которая удерживает чувство, определяет его объект и перерабатывает его в сознание, в мысль. — Итак, совершенно справедливо утверждают, что человек по природе религиозен; он религиозен подобно всем другим животным, — но он один на этой земле имеет сознание своей религиозности.

Говорят, что религия, это первое пробуждение разума: справедливо, но в форме неразумия. Религия, как мы только что видели, начинается со страха. И в самом деле, человек, пробуждаясь с первыми лучами того внутреннего солнца, которое мы называем самосознанием, и медленно, шаг за шагом, выходя из магнетического полусна, в котором находился, ведя свое чисто инстинктивное существование, когда он находился в состоянии полнейшей невинности, т. е. в животном состоянии, — будучи к тому же рожденным, подобно всякому животному, в страхе перед внешним миром, который, правда, его производит и кормит, но который в то же время его утесняет, давит и грозит каждую минуту поглотить, — человек необходимо должен был иметь первым объектом своего зарождающегося мышления именно этот страх.

Можно предполагать, что у первобытного человека, при первом пробуждении его разума этот инстинктивный страх должен был быть сильнее, чем у животных других пород. Во первых, потому, что он рождается гораздо менее вооруженным, чем другие животные, и что его детство продолжается гораздо дольше. И затем потому, что эта самая мыслительная способность, едва расцветшая и еще не достигшая достаточной степени зрелости и силы, чтобы познавать и утилизировать внешние предметы, должна была тем не менее нарушить полное единение человека с природой, инстинктивную гармонию, в какой он находился с ней, как двоюродный брат гориллы, покуда не проснулась в нем мысль.

Итак, способность мыслить изолировала его от остальной природы, которая, становясь для него таким образом чуждой, должна была ему казаться сквозь призму его воображения, ставшего менее узким и более живым, благодаря этой самой начинающейся мысли, в виде темной, таинственной силы бесконечно более враждебной и угрожающей, чем она есть в действительности.

Для нас чрезвычайно трудно, если не невозможно, отдать себе точный отчет в первых религиозных чувствах и воображениях дикого человека. Они, без сомнения, должны были быть столь же разнообразны, сколь разнообразны были характеры первобытных народностей, а также сколь разнообразны были климаты, природа местностей и все другие внешние обстоятельства, в среде которых эти чувства развивались. Но так как при всем этом, это все же были человеческие чувства и воображения, то они несмотря на это великое разнообразие в подробностях, должны были обладать известным числом тождественных, общих для всех их черт, которые мы и постараемся определить. Каково бы не было происхождение различных человеческих групп и их деление на расы на земном шаре, имели ли все люди родоначальником одного Адама — гориллу, или двоюродного брата гориллы, или же они произошли от нескольких, созданных природой в различных местах и в различные времена, независимо друг от друга, — это не меняет дела. Свойства которые собственно создают и составляют человечность в людях, а именно мышление, способность к абстракции, разум, мысль, одним словом, способность создавать идеи остаются, также точно, как и законы, определяющие проявление этих свойств, во все времена и во всех тождественных местностях, всегда и везде те же самые, — так что никакое человеческое развитие не может противоречить этим законам. Это дает нам право предположить, что важнейшие фазисы, наблюдаемые в первобытном развитии религиозного чувства одного какого нибудь народа, должны были повториться в развитии этого чувства у всех других народов земли.

Судя по единогласным отзывам путешественников, как тех, которые, начиная с прошлого столетия посетили острова Океании, так и тех, которые в наши дни проникли во внутрь Африки, — Фетишизм должен быть самой первой религией, религией всех диких племен, которые всего менее удалились от естественного состояния. Но Фетишизм является ничем иным, как религией страха. Он является первым человеческим выражением того ощущения абсолютной зависимости, смешанной с инстинктивным ужасом, которое мы находим в всяком животном и которое, как мы уже сказали, заключается в религиозном отношении индивидов даже самых низших пород к всемогуществу природы. Кто не знает, какое влияние и впечатление производят на всех живых существ, не исключая даже растений, великие регулярные явления природы, каковы восход и заход солнца, лунный свет, повторение времен года, чередование холода и тепла, особенные проявления жизни океана, гор, пустыни, или же естественные катастрофы, каковы бури, затмения, землетрясения, а также столь разнообразные отношения различных животных пород между собой и к растениям и их взаимное истребление. Все это составляет для каждого животного совокупность условий существования, характер, природу и, у нас почти является желание сказать, особенный культ, ибо у всех животных, у всех живых существ, вы найдете своего рода обожание природы, смешанное со страхом и радостью, надеждами и беспокойством, и которое, как чувство, очень похоже на человеческую религию. Здесь нет недостатка даже в молитвах. Посмотрите на прирученную собаку, умоляющую своего господина о ласке или взгляде; разве это не образ человека, стоящего на коленях перед своим Богом? Не переносит ли эта собака при помощи своего воображения и даже начатков мыслительной способности, которую опыт развил в ней, не переносит ли она давящее ее всемогущество природы на своего хозяина, подобно тому, как верующий человек переносит его на Бога? В чем же различие между религиозным чувством человека и собаки? Даже не в размышлении, а лишь в степени размышления, или даже в способности фиксировать это размышление,

понять его как абстрактную мысль и обобщить, назвав ее — ибо человеческая речь имеет ту особенность, что она не способна обозначить действительные предметы, непосредственно действующие на наши чувства, а может лишь выражать понятия абстрактные или обобщения. А так как речь и мысль являются двумя различными, но нераздельными формами одного и того же акта человеческого мышления, то это последнее, фиксируя предмет животного страха и обожания или первого естественного человеческого культа, его обобщает, перерабатывает его в нечто абстрактное и стремится обозначить каким-нибудь именем. Предметом действительного обожания того или другого индивида всегда остается этот камень, этот, а не другой кусок дерева; но с мгновения, как он был назван словом, он становится предметом абстрактным или понятием: камнем, вообще, куском дерева, — Таким образом, с первым пробуждением мысли, проявляемой в речи, начинается собственно человеческий мир, мир отвлечений.

Благодаря этой способности к отвлечению, сказали мы, человек рожденный, созданный природой, творит для себя, среди этой самой природы и даже в ее условиях, второе существование, согласное с его идеалом и совершенствующееся вместе с ним.

Всё живущее, прибавим мы для лучшего пояснения нашей мысли, стремится к самому полному развитию. Человек, существо живое и вместе мыслящее, должен для своего полного осуществления вначале познать самого себя. Вот причина громадного опоздания, наблюдаемого нами в его развитии и благодаря которой, чтобы достигнуть современного состояния общества в самых цивилизованных странах, — состояния столь мало еще приближающегося к идеалу, к которому мы ныне стремимся, — человеку потребовалось употребить несколько сотен веков... Хочется сказать, что человек в поисках самого себя, во всех своих физиологических и исторических блужданиях должен был исчерпать всевозможные глупости, всевозможные несчастья, прежде чем он был в состоянии осуществить то малое количество разума и справедливости, что царят ныне в мире.

Последним пределом, высшей целью всего человеческого развития, является свобода. Ж. Ж. Руссо и его ученики ошибались, ища ее в начале истории, когда человек, еще совершенно лишенный самосознания и, следовательно, неспособный заключать какой бы то ни было договор, подчинялся той фатальности естественной жизни, которой подчиняются все животные, и от которой человек мог, в известном смысле освободиться лишь благодаря последовательному пользованию разумом. Человеческий разум, развиваясь, правда, с большой медлительностью, в продолжении истории, мало по малу познавал законы, управляющие внешним миром, а также законы, присущие нашей собственной природе, так сказать, присвоивал их себе, перерабатывая их в идеи — почти произвольное создание нашего собственного мозга — и делал то, что, не переставая подчиняться этим законам, человек подчинялся теперь лишь собственным мыслям. По отношению природы, это является для человека единственным достоинством и единственно возможной свободой. Никогда не будет другой свободы, ибо естественные законы неизменны, фатальны; они составляют саму основу всякого существования и нашего собственного бытия, так что никто не может возмутиться против них, не впадая в нелепость, не убивая наверняка самого себя. Но познавая их и присвояя их умом, человек возвышается над непосредственным давлением внешнего мира, и становясь в свою очередь творцом, повинуюсь с этих пор лишь собственным идеям, он более или менее перерабатывает этот мир сообразно своим

возрастающим потребностям, и налагает на него как бы отражение своей человечности.

Таким образом, то, что мы называем человеческим миром, не имеет другого непосредственного творца кроме человека, который создает его, отвоевывая шаг за шагом от внешнего мира и от своей собственной животности свою свободу и человеческое достоинство. Он завоевывает их, движимый силой, независимой от него, непреодолимой и равно присущей всем живым существам. Эта сила — это всемирный поток жизни, тот самый, который мы называем всемирной причинностью, природой, и который проявляется во всех живых существах, растениях или животных, стремлением каждого индивида осуществить для себя условия, необходимые для жизни своей породы, т. е. удовлетворить своим потребностям. Это стремление, существенное и главное проявление жизни, составляет основу того, что мы называем волей. Фатальная и непреодолимая во всех животных, не исключая самого цивилизованного человека, инстинктивная, можно почти сказать, механическая в низших организмах, более сознательная в высших породах, она достигает полного самосознания лишь и человеку, который, благодаря своему разуму — возвышающему его над всеми его инстинктивными побуждениями и позволяющему ему сравнивать, критиковать и упорядочивать свои собственные побуждения — один среди всех животных земного шара обладает сознательным самоопределением, свободной волей.

Само собой разумеется, эта свобода человеческой воли не имеет по отношению ко всемирному потоку жизни, по отношению к этой абсолютной причинности, в которой каждая отдельная воля является как бы ручьем, другого значения, кроме того, которое ей дает ее сознательность, противопоставляя ее механическому действию или даже инстинкту. Человек понимает и сознает естественные потребности, которые, отражаясь в его мозгу, вновь возникают в нем посредством физиологического процесса, еще мало известного, как логическое следствие его собственных мыслей. Это понимание дает ему, среди его абсолютной и непрестанной зависимости, ощущение самоопределения, сознательной, произвольной воли и свободы. — Не прибегая к полному или частичному самоубийству, ни один человек не сможет освободиться от своих естественных влечений, но он может их регулировать и видоизменять, стараясь все более согласовать их с тем, что он называет в различные эпохи своего интеллектуального и морального развития, справедливым и прекрасным.

В сущности, главные черты самого утонченного человеческого существования и самого непробудного животного существовавшего суть и всегда останутся те же самые; рождаться, развиваться и расти, работать, чтобы есть и пить, чтобы иметь кров, и защищаться, поддерживать свое индивидуальное существование в равновесии с социальной жизнью своей породы, любить, воспроизводиться, затем умирать... К этим элементам для человека только присоединяется еще новый: мышление, познание, — способность и потребность, встречающиеся, правда в меньшей, но уже очень чувствительной степени, в породах животных, наиболее близких по организации к человеку, ибо, как кажется, в природе не существует абсолютных качественных различий, и все различия сводятся в последнем анализе к различию в количестве, — но которые только в человеке достигают такой повелительной и преобладающей силы, что мало по малу переделывают всю жизнь. Как прекрасно заметил один из величайших мыслителей наших дней, Людвиг Фейербах: человек делает все, что делают животные, но только он делает это, все более и более человечно. В

этом все различие, но оно громадно[8]. Оно включает в себе всю цивилизацию, со всеми чудесами промышленности, науки и искусств; со всеми развитиями человечества: религиозным, эстетическим, философским, политическим, экономическим и социальным — одним словом, всю всемирную историю. Человек создает этот исторический мир посредством действенной силы, которую вы найдете во всех живых существах и которая составляет самую сущность всей органической жизни, и стремится ассимилировать себе и переработать, согласно потребностям каждого, внешний мир. Сила эта, конечно, инстинктивна и фатальна, ибо она предшествует всякой мысли, но, при свете человеческого разума и определенная сознательной волей, она перерабатывается в человеке и для человека в сознательный свободный труд.

Единственно благодаря мысли, человек достигает сознания своей свободы в породившей его естественной среде; но только посредством труда он эту свободу осуществляет. Мы сказали, что деятельность, составляющая труд, т. е. медленная работа трансформирования поверхности нашей планеты физической силой каждого живого существа, сообразно с потребностями каждого, встречается, более или менее развитой, на всех ступенях органической жизни. Но она начинает быть собственно человеческим трудом только тогда, когда, направленная человеческим разумом и сознательной волей, она перестает служить одним лишь недвижимым и фатально ограниченными потребностями исключительно животной жизни, но начинает еще служить потребностям мыслящего существа, которое завоевывает свою человечность, утверждая и осуществляя в мире свою свободу.

Осуществление этой безмерной, бесконечной задачи не является только делом интеллектуального и морального развития, но также делом материального освобождения. Человек становится, в самом деле, человеком, он завоевывает возможность своего развития и внутреннего совершенствования лишь при условии, что он до некоторой степени, до крайней мере, разорвал рабские цепи, налагаемые природой на своих детей. Цепи эти — голод, всякого рода лишения, физическая боль, влияние климатов, времен года и вообще тысячи условий животной жизни, удерживающих человеческое существо в почти абсолютной зависимости от окружающей его среды.

Эти цепи — это постоянные опасности, которые, в виде естественных явлений, со всех сторон угрожают и давят человека, это непрестанный страх, который лежит в глубине всякого животного существования, и который до того подавляет человека в естественном состоянии дикаря, что он ничего в себе не находит, что могло бы противостоять этому страху,

Чем бы можно было бороться с ним... одним словом, не отсутствует ни один элемент самого полного рабства. Первый шаг человека по пути к освобождению от этого рабства состоит, как мы уже сказали, в акте абстрактного мышления, которое, внутренне возвышая человека над окружающими предметами, позволяет ему исследовать их взаимоотношения и законы. Но вторым шагом является непременно материальный акт, определенный волей и, направленный более или менее глубоким знанием внешнего мира: это применение мускульной силы человека к пересозданию этого мира, сообразно своим прогрессирующим потребностям. Эта борьба человека, сознательного труженника, против матери-природы, не является бунтом против нее или ее законов. Человек пользуется приобретенными им

познаниями этих законов лишь с целью укрепить себя и обезопасить от грубых нападений и случайных катастроф, а также от периодических, правильных явлений физического мира. Только самое внимательное исследование и изучение законов природы делает его способным покорить ее в свою очередь, заставить ее служить своим целям и иметь возможность видоизменять поверхность земного шара, во все более и более благоприятную среду для развития человечества.

Как видите, способность к отвлечению, источник всех наших знаний и идей, является также единственной причиной всякого человеческого освобождения. Но первое пробуждение этой способности, являющейся ничем иным, как разумом, не производит немедленно свободу. Когда она начинает действовать в человеке, медленно освобождаясь от пелены животных инстинктов, она вначале проявляется не в виде логического мышления, имеющего сознание и познание о своей собственной деятельности, но в виде мышления вообразительного, или неразумного рассуждения. Как таковая, она освобождает человека, от естественного рабства, тяготеющего над ним с колыбели, лишь ценой немедленного подчинения его новому рабству — рабству религии.

Именно вообразительное мышление человека перерабатывает естественный культ, элементы и следы которого мы нашли у всех животных, в культ человеческий, в его элементарной форме — в форме фетишизма. Мы указали на животных, инстинктивно обожающих великие явления природы, действительно оказывающие непосредственное и могущественное влияние на их существование, но мы никогда не слышали о животных, обожающих безобидный кусок дерева, клубок тряпки, кость или камень. Между тем, мы находим этот культ в первобытной религии дикарей и даже в католицизме. Как объяснить эту, повидимому, столь странную аномалию, представляющую нам, с точки зрения здравого смысла и понимания действительных вещей, человека стоящим гораздо ниже, чем самые скромные животные?

Эта нелепость является продуктом вообразительного мышления дикого человека. Он не только чувствует, подобно другим животным, всемогущество природы, он делает его предметом своих непрестанных размышлений, он его закрепляет и обобщает, давая ему какое нибудь наименование, он делает из него центр, вокруг которого группируются все его детские фантазии. Еще неспособный охватить своей бедной мыслью вселенную, и даже земной шар, и даже то весьма ограниченное пространство, в котором он родился и живет, он повсюду ищет, где же именно местопребывание этого всемогущества, ощущение которого, теперь уже основанное и закрепленное, его тяготит. И игрою своей невежественной фантазии, которую нам было бы очень трудно в настоящее время понять, он переносит это всемогущество на этот кусок дерева, этот сверток тряпок, этот камень... это чистый фетишизм, самая религиозная, т. е. самая нелепая из всех религий.

Вслед за фетишизмом и часто в одно время с ним, идет культ колдунов. Это культ, если не более разумный, то во всяком случае более естественный, и который удивляет нас меньше чистого фетишизма, ибо мы к нему привыкли. Мы ведь еще сегодня окружены колдунами, каковы спириты, медиумы, ясновидящие со своими магнетизерами, и даже священники римско-католической, а также восточно-греческой церкви, которые утверждают, что они имеют власть заставить Бога, с помощью каких-то таинственных формул, сойти на воду или

же воплотиться в хлеб и вино.

Не являются ли все эти поработители божества, покоряющегося их заклинаниям, настоящими колдунами? Правда, их божество, продукт более чем тысячелетнего развития, гораздо более сложно, чем божество первобытного колдовства, единственным предметом которого является уже закрепленное, но еще неопределенное представление всемогущества, без какого-либо другого интеллектуального или морального атрибута. Различие добра и зла, справедливого и несправедливого, здесь еще неизвестно. Неизвестно, что такое божество любит и что оно ненавидит, что оно хочет и чего не хочет; оно ни добро, ни зло, — оно всемогуще и больше ничего. Однако, характер божества уже начинает обрисовываться; оно эгоистично и тщеславно, оно любит лесть, коленопреклонение, унижение и заклятие людей, их обожание и жертвоприношения, — и оно преследует и жестоко наказывает тех, которые не хотят покоряться ему: бунтующих, горделивых, нечестивых. Как известно, это основная черта божественной природы во всех древних и современных богах, созданных человеческим неразумием. Существовало ли когда-нибудь в мире столь завистливое, тщеславное, эгоистическое, кровавое существо как Егова евреев или Бог-отец христиан?

В культе первобытного колдовства, божество или это неопределимое всемогущество, является вначале нераздельной с личностью колдуна; он сам Бог, подобно Фетишу. Но с течением времени, роль сверхестественного человека, человека-Бога, становится невозможной для реального человека и в особенности для дикаря, который еще не имеет никаких средств укрыться от нескромного любопытства верующих и остается с утра до вечера открытым для наблюдений. Здравый смысл, практически ум, продолжающие развиваться в диком народе наряду с его религиозным воображением, в конце концов показывает ему невозможность, чтобы человек, доступный всем человеческим слабостям и немощам, был Богом. — Колдун остается для народа сверхестественным существом, но только в некоторые минуты, когда он одержим духом. Но каким духом?

Духом всемогущества, Богом... Итак, божество находится в обыкновенное время, вне колдуна. — Где его искать? — Фетиш, Бог-вещь уже не удовлетворяет, колдун, человек-Бог, также. — Все эти видоизменения могли в первобытную эпоху длиться века. — Дикарь, уже сильно подвинувшийся вперед, развившийся, обогатившийся опытом и традициями многих веков, ищет теперь уже божество вдали от себя, но все еще среди реально существующих предметов: в солнце, в луне, в звездах. — Религиозная мысль начинает уже обнимать вселенную.

Как мы сказали, человек мог достигнуть этого лишь после длинного ряда веков. Его способности к абстракции, его разум, развились, укрепились, изошрились в практическом познании окружающих его предметов и в исследовании их отношений и взаимной причинности. Периодическое возвращение известных явлений природы дало ему первое понятие о некоторых естественных законах. Человек начинает интересоваться совокупностью явлений и их причинами; он ищет их объяснения. В то же время он начинает познавать самого себя, и благодаря той же способности к абстракции, которая позволяет ему внутренне подниматься мыслью над самим собой и делать себя объектом размышления, он начинает отделять свое материальное и живое существо от своего мыслящего существа,

свою внешность от своего внутреннего существа, свое тело от своей души. — Но раз это различие сделано им и закреплено в его мысли, то он естественно, необходимо переносит его в своего Бога и начинает искать невидимую душу этого видимого мира. — Таким образом, должен был родиться религиозный пантеизм индусов.

Мы должны остановиться на этом пункте, ибо именно здесь начинается собственно религия в полном смысле этого слова, и вместе с ней настоящая теология и метафизика. До сих пор религиозное воображение человека, одержимое непрестанным представлением всемогущества, двигалось естественным путем, ища причину и источник этого всемогущества путем экспериментального исследования, вначале в самых близких предметах, в фетишах, потом в колдунах, еще позже в звездах; но всегда приписывая всемогущество какому-нибудь действительному и видимому, хотя бы и отдаленному предмету. Теперь он предполагает существование духовного внемирного невидимого Бога. С другой стороны, до сих пор его боги были ограниченными, определенными существами, среди множества других небожественных существ, не одаренных всемогуществом, но не менее реально существующих. Теперь он первый раз полагает всемирное божество: Существо Существ, сущность и творец всех ограниченных и обособленных Существ, всемирная душа всей вселенной, Великое Все. Начинается настоящий Бог и вместе с ним настоящая религия.

Мы должны теперь исследовать, каким путем человек достиг этого результата, дабы познать по самому его историческому происхождению истинную природу Божества.

Весь вопрос сводится к следующему: каким образом зарождается в человеке представление о мире и идея его единства? Начнем с констатирования, что представление о вселенной для животного не может существовать, ибо это не есть предмет, непосредственно воспринимаемый чувствами, подобно всем реальным предметам, большим и малым, далеким или близким, — это понятие абстрактное, и которое, следовательно, может существовать лишь для способности отвлекательной, — т. е. для одного лишь человека. Рассмотрим же, каким образом это представление образуется в человеке. Человек видит себя окруженным внешними предметами; он сам, поскольку он живое тело, является таким предметом для своей собственной мысли. Все эти предметы, которые он постепенно и медленно начинает распознавать, находятся между собой в правильных взаимоотношениях, которые он также более или менее уясняет себе; и тем не менее, несмотря на эти взаимные отношения, сближающие их, но не соединяющие, не сливающие их в одно целое, предметы эти остаются вне друг друга.

Итак, внешний мир представляется человеку лишь бесконечным разнообразием предметов, действий и раздельных отношений без малейшей видимости единства, — это бесконечные нагромождения, но не единое целое. Откуда является единство? Оно заложено в уме человека. Человеческий ум одарен способностью к абстракции, которая позволяет ему, после того, как он медленно и по отдельности исследовал, один за другим, множество предметов, охватить их в мгновение ока в едином представлении, соединить их в одной и той же мысли. — Таким образом, именно мысль человека создает единство и переносит его в многообразие внешнего мира.

Отсюда вытекает, что это единство является вещью не конкретной и реальной, но абстрактной, созданной единственно способностью человека абстрактно мыслить. Мы говорим абстрактно мыслить, ибо для того, чтобы объединить столько различных предметов в единое представление, наша мысль должна отвлечься от всего, что составляет различие между этими предметами, и удержать лишь то, что они имеют общего; отсюда вытекает, что чем более предметов объемлет мыслимое нами единство, чем более оно возвышается, чем более разрастается то общее, что заключается в нем, что его определяет, составляет его содержание, — тем более абстрактным и лишенным реальности оно становится. Жизнь со всеми своими переходящими избытками и великолепиями находится внизу, в разнообразии, — смерть со своей вечной и несравненной монотонностью находится сверху, в единстве. — Поднимитесь, в силу той же способности к абстракции, выше и выше, уйдите за пределы земного мира, охватите в одной мысли солнечный мир, представьте себе это высшее единство; что же вам останется для его заполнения? — Дикарь был бы очень затруднен в ответе на этот вопрос! Но мы ответим за него: останется материя с тем, что мы называем силой абстракции, движущаяся материя со своими различными проявлениями, каковы свет, теплота, электричество и магнетизм, которые, как это теперь доказано, суть различные проявления одной и той же вещи. — Но если в силу той же способности к отвлечению, не имеющей пределов, вы поднимаетесь выше нашей солнечной системы и объедините в своей мысли не только эти миллионы солнц, видимые нами на небосклоне в виде светящихся точек, но еще бесконечное множество других солнечных систем, которые мы не видим и никогда не увидим, но существование которых мы предполагаем, ибо наша мысль по той самой причине, что она не знает пределов своей способности к абстракции, отказывается верить, чтобы вселенная, т. е. совокупность всех существующих миров могла иметь предел или конец, — потом отвлечшись все тою же мыслью, от отдельных существований каждого из существующих миров, если вы попытаетесь представить себе единство этого бесконечного мира — что вам останется, для его определения и заполнения? Одно слово, одна абстракция: неопределенное Существо, т. е. неподвижность, пустота, абсолютное небытие — Бог.

Итак, Бог — это абсолютная абстракция, это собственный продукт человеческой мысли, которая, как сила абстракции, поднялась над всеми известными существами, всеми существующими мирами, и освободившись тем самым от всякого реального содержания; сделавшись уже ни чем иным, как абсолютным миром, не узнавая себя в этой величественной обнаженности, становится перед самой собой — как единственное и высшее Существо.

Нам могут возразить, что мы сами утверждали, на предыдущих страницах, реальное единство вселенной и определили его, как всемирную связность и причинность, как единственное всемогущество, управляющее всеми вещами и ощущаемое более или менее всеми живыми существами, а теперь как будто бы отрицаем его. Но нет, мы его вовсе не отрицаем; мы лишь утверждаем, что между этим реальным всемирным единством и идеальным единством, к которому приходит путем абстракции религиозная и философская метафизика, нет ничего общего. Мы определили первое, как бесконечную сумму предметов или лучше, как сумму непрестанных видоизменений всех реальных существ, также как их постоянных действий и противодействий, которые, комбинируясь в одно движение, образуют, как мы сказали, так называемую всемирную солидарность или причинность. Мы

прибавили, что мы понимаем эту солидарность не как первичную и абсолютную причину, но напротив того, как производную, как результат, постоянно повторяющийся, единовременного действия всех частных причин — действия, которое и составляет собственно всемирную причинность — вечно творящую и творимую. Определив ее таким образом, мы сочли возможным сказать, не боясь более никакого недоразумения, что эта всемирная причинность творит миры. И хотя мы очень настойчиво прибавляли, что она это делает без какой-либо предшествующей мысли или воли, без какого-либо плана, без какой-либо преднамеренности или предопределенности со своей стороны — ибо она сама не имеет никакого отдельного и предшествующего существования вне своей непрерывной реализации и является ничем иным, как абсолютной производной — тем не менее мы теперь видим, что это выражение — творит, не является ни счастливым, ни точным и что, несмотря на все прибавленные объяснения, оно может еще дать повод к недоразумениям, — до того мы привыкли связывать с этим словом творение мысль о сознательном творце, о творце, отдельном от своего произведения. — Мы должны были бы сказать, что каждый мир, каждое существо бессознательно, произвольно происходит, рождается, развивается, живет, умирает и переходит в новое существо под влиянием всемогущей, абсолютной всемирной солидарности, — и, чтобы выразить нашу мысль еще более точно, мы прибавим теперь, что реальное единство вселенной является ничем иным, как абсолютной связностью и бесконечностью ее реальных трансформаций, ибо непрерывная трансформация каждого отдельного существа составляет единственную, подлинную реальность каждого, так как вселенная ничто иное, как история без границ, без начала и без конца.

Подробности этой истории бесконечны. Человеку всегда придется ограничиваться только познанием ее бесконечно малой части. Наше звездное небо со своим множеством солнц, образует лишь незаметную точку в неизмеримости пространства, и хотя мы обнимаем его взглядом, мы никогда о нем почти ничего не узнаем. Мы принуждены ограничиваться некоторым познанием нашей солнечной системы, относительно которой мы предполагаем, что она в совершенной гармонии с остальными частями вселенной; ибо если бы не было этой гармонии, то или она должна бы была установиться, или же наша солнечная система погибла бы. Эту последнюю мы знаем уже очень недурно, с точки зрения небесной механики, и начинаем знакомиться с ней также, с точек зрения физической, химической и даже геологической. Наша наука с трудом перейдет этот предел. Если мы ищем более конкретных познаний, мы должны придерживаться нашего земного шара. Мы знаем, что он создан во времени, и мы предполагаем, что через некоторое, неизвестное нам число веков он должен погибнуть, — как рождается и погибает или лучше трансформируется все, что существует.

Каким образом наш земной шар, бывший вначале раскаленной, газообразной, несравненно более легкой чем воздух, материей, — охладился, образовался, чрез какой нескончаемый ряд геологических переворотов должен он был пройти, прежде, чем был в состоянии произвести на своей поверхности все это бесконечное богатство органической жизни, начиная с первой и самой простой клеточки и кончая человеком? Как он видоизменялся, и продолжает ли он свое развитие в историческом и социальном мире человека? Куда мы направляемся, толкаемые верховным фатальным законом непрерывного видоизменения?

Вот единственно доступные нам вопросы; единственные вопросы, которые могут и должны быть действительно охвачены, детально разработаны и разрешены человеком. Являясь, как мы уже сказали, лишь незаметной точкой в безграничном и неопределимом вопросе вселенной, эти вопросы являют тем не менее нашему уму истинно бесконечный мир — не в божественном, т. е. абстрактном смысле этого слова, не в смысле верховного существа, — создания религиозной абстракции; напротив того, бесконечный по богатству своих подробностей, которых никогда не будут в состоянии исчерпать никакое наблюдение и никакая наука.

И для того, чтобы познать этот мир, наш бесконечный мир, недостаточно одной абстракции. Она бы снова привела нас к Богу, к Верховному Существу, к небытию. Необходимо, не переставая применять нашу способность к абстракции, без которой мы бы никогда не смогли возвыситься от более простого рода вещей к более сложному роду и, следовательно, никогда не смогли бы понять естественную иерархию существ, — необходимо, говорим мы, чтобы ум с уважением и любовью занимался тщательным изучением деталей и бесконечно малых подробностей, без которых нам невозможно представить себе живую реальность существ. Итак, только соединяя эти две способности, эти две, на вид столь противоположные тенденции: абстракцию и внимательный, добросовестный, терпеливый анализ, можем мы возвыситься до реального понятия о нашем не внешне, но по существу бесконечном мире и составить себе до некоторой степени достаточное представление о нашей вселенной — о нашем земном шаре или, если хотите, о нашей солнечной системе. Теперь, очевидно, что если наше чувство и наше воображение и могут дать нам образ, представление по необходимости более или менее ложное об этом мире, если они и могут даже, посредством своего рода интуитивной догадки, дать нам почувствовать тень, отдаленное подобие истины, то чистую и всецелую истину может нам дать только наука.

В чем же причина этой властной любознательности, толкающей человека к познанию окружающего его мира, к преследованию с неутомимой страстью открытия тайн этой природы, последним и самым совершенным созданием которой на нашей земле, он сам является? Является ли эта любознательность простой роскошью; приятным времяпрепровождением или же одной из существенных потребностей нашей природы? Мы, не колеблясь, утверждаем, что из всех потребностей, присущих природе человека, это наиболее человеческая, и что он действительно становится человеком, что он действительно отличается от животных всех других пород, лишь благодаря этой неутомимой жажде знания. Дабы проявить себя во всей полноте своего существа, человек должен, как мы сказали, себя познать, а он никогда себя действительно не познает, пока он не познает окружающую его природу, продуктом которой он сам является. — Если человек не хочет отказаться от своей человечности, он должен знать, он должен проникнуть мыслью в видимый мир, и, не предаваясь надежде постичь когда-нибудь его сущность, углубляться все более и более в изучение его законов, ибо наша человечность приобретает лишь этой ценой. Человеку нужно познать все низшие, предшествовавшие и современные ему области, все механические, физические, химические, геологические и органические эволюции на всех ступенях развития растительной и животной жизни, — т. е. все причины и условия его собственного рождения и его существования, дабы он мог понять свою собственную природу и свое назначение на земле — его отечестве и единственном местожительстве, — дабы в этом мире слепой фатальности он мог основать царство

свободы.

Такова задача человека: она неисчерпаема, она бесконечна и совершенно достаточна для удовлетворения самых честолюбивых умов и сердец. Мимолетное и неприметное существо среди безбрежного океана всемирной видоизменяемости, с неведомой вечностью позади него и такой же неведомой вечностью впереди, человек мыслящий, деятельный, сознающий свое человеческое назначение остается гордым и спокойным в сознании своей свободы, которую он сам завоевывает, просвещая, подкрепляя, освобождая и в случае нужды бунтуя окружающий его мир. Вот его утешение, его награда, его единственный рай. Если вы его спросите после этого, каково его внутреннее убеждение и последнее слово относительно реального единства вселенной, то он вам скажет, что оно заключается в вечной и всемирной видоизменяемости в безграничном движении без начала и без конца. — А это абсолютная противоположность всякому учению о Провидении, — отрицание Бога.

Во всех религиях, делящих между собой мир и обладающих, более или менее, развитой теологией — за исключением, впрочем, Буддизма, странная и совершенно непонятая несколькими сотнями миллионов последователей доктрина которая устанавливает религию без Бога, во всех системах метафизики Бог является сам, как верховное существо, предвечно существовавшее и все предопределившее, все в себе содержащее, являющееся самомыслью и действенной волей, началом всего существующего и предшествовавшее всему существующему, являющееся источником и вечной причиной всякого творения и пребывающее неподвижным и вечно равным самому себе во всемирном движении сотворенных миров. Как мы видели, этот Бог не находится в действительном мире, по крайней мере, в той его части, которая доступна человеку. Будучи не в состоянии найти его вне самого себя, человек должен был найти его в себе самом. Каким образом он его искал? — Отвлекаясь от всех живых, реальных вещей, от всех видимых известных миров. — Но мы видели, что в конце этого бесплодного путешествия, абстракция находит единственный предмет, — себя самую, но уже без всякого содержания и лишенную всякого движения, — как образ неподвижности и пустоты. Мы бы сказали: полнейшее небытие. Но религиозная фантазия называет это Высшим Существом — Богом.

Впрочем, как мы уже заметили, она наведена на это примером того различия или даже противоположения, которые, уже в значительной мере развитое мышление начинает делать между внешней оболочкой человека — телом и его внутренним миром, заключающим в себе его мысль и волю — словом, человеческую душу. Не подозревая, что это последняя является ничем иным, как продуктом и последним, вечно возобновляемым и воспроизводимым выражением человеческого организма; видя, напротив, что в повседневной жизни тело кажется всегда повинующимся внушениям мысли и воли; предполагая, следовательно, что душа есть, если не творец, то, по крайней мере, всегдашний господин тела, для которого не остается, другого назначения, как служить ей и проявлять ее, — религиозный человек, — с момента, как он благодаря своей способности к абстракции дошел описанным нами образом, до идеи всемирного и всевышнего существа, которое, как мы доказали, является ничем иным, как абстракцией, — естественно принимает его за душу всей вселенной — за Бога.

Таким образом, появился первый раз в истории настоящий Бог — всемирное, вечное, неизменное существо, созданное игрою религиозного воображения и абстрактным мышлением человека. Но с того момента, как Бог был таким образом познан и утвержден, человек, забывая или скорее даже не зная об умственной деятельности своего мозга, которая и была единственным творцом Бога, и не узнавая себя более в своем собственном творении: всемирной абстракции, начал его обожать. Роли тотчас же переменились: сотворенный стал предполагаемым творцом, а настоящий творец, человек, занял место между множеством других несчастных тварей, в качестве бедной твари, еле-еле привилегированной по сравнению с остальными.

Раз Бог был признан, то дальнейшее прогрессивное развитие различных теологий естественно объясняется, как отражение исторического развития человечества. Ибо, раз идея сверхъестественного и всевышнего существа завладела воображением человека и установилась в нем как религиозное убеждение, до того, что реальность этого существа кажется ему более несомненной, чем реальность действительных вещей, которые он видит и осязает руками, — то естественно, эта идея должна сделаться главным основанием всего человеческого существования, что она видоизменяет его, проникает и властвует над ним исключительным и абсолютным образом. Верховное существо тотчас же представляется, как абсолютный господин, как мысль, воля, источник, как творец и управитель всех вещей. Ничто не может более соперничать с ним, и все должно исчезнуть в его присутствии, так как истина лишь в нем одном и каждое отдельное существо, сколь бы ни было оно могущественно, и даже сам человек, могут с этих пор существовать лишь с божьего соизволения. Все это, впрочем, совершенно логично, ибо в противном случае Бог не был бы всевышним, всемогущим, абсолютным существом, т. е. его совсем бы не было.

С этих пор, как естественное следствие, человек приписывает Богу все качества, все силы, все добродетели, которые он постепенно открывает в себе или в окружающей среде. Мы видели, что Бог, полагаемый, как верховное существо, и являющийся в действительности ничем иным, как лишь абсолютной абстракцией, — совершенно лишен всякого содержания и атрибутов, гол и пуст, как само небытие. И как таковой, он наполняется и обогащается всеми реальностями существующего мира, и являясь лишь абстракцией его, представляется Господом и Владыкой религиозной фантазии человека. Отсюда вытекает, что Бог это абсолютный грабитель, и что, так как антропоморфизм составляет самую сущность всякой религии, небо, местопребывание бессмертных Богов, является ничем иным, как неверным зеркалом, которое отсылает верующему человеку его собственное изображение в обратном и увеличенном виде.

Ибо действие религии заключается не только в том, что она отнимает у земли естественные богатства и силы, а у человека его способности и добродетели по мере того, как он открывает их в своем историческом развитии, чтобы тотчас же перенести их на небо и превратить в божества или божественные атрибуты. Сделав это превращение, религия еще коренным образом изменяет характер этих сил и качеств, она их извращает, портит, давая им направление, диаметрально противоположное их первоначальному направлению.

Таким образом, человеческий разум, единственный орган, которым мы обладаем для познания истины, становясь божественным разумом, делается для нас совершенно

непонятным и внедряется в сознание верующих, как откровение нелепого. Таким образом, уважение к небу переходит в презрение к земле, а обожание божества в унижение человечества. Человеческая любовь, эта громадная естественная солидарность, которая связывая всех индивидов, все народы, и делая счастье и свободу каждого зависящими от свободы и счастья всех других, несмотря на различия цвета кожи и рас, должна соединить рано или поздно всех людей во всеобщем братстве, — эта любовь, сделавшись божественной любовью и религиозным милосердием, тотчас же становится бичем человечества: вся кровь, пролитая во имя религии, с начала истории, все эти миллионы человеческих жертв, закланные ради большей славы Богов, свидетельствуют об этом... Наконец сама справедливость, эта будущая мать равенства, раз только она перенесена религиозной фантазией в небесные области и переделана в божественную справедливость, тотчас же возвращается на землю уже под теологической формой благодати, и становясь всегда и везде на сторону самых сильных, сеет среди людей лишь насилия, привилегии, монополии и все чудовищные неравенства, освященные историческим правом.

Мы не претендуем отрицать историческую необходимость религии, мы не утверждаем, что она была абсолютным злом в истории. Если она зло, то она была и, к несчастью и поныне, остается для громадного большинства невежественного человечества злом неизбежным, подобно всяким вообще ошибкам и уклонениям в сторону, неизбежным в развитии всякой человеческой способности. Религия, как мы сказали, это первое пробуждение человеческого разума в форме божественной неразумности, это первый проблеск человеческой истины сквозь божественные покровы лжи: это первое проявление человеческой морали, справедливости и права сквозь исторические несправедливости божественной благодати; наконец, это школа свободы под унижительным и тягостным игом божества, игом, которое, в конце концов необходимо надо будет свергнуть, чтобы на самом деле завоевать разумный разум, настоящую истину, полную справедливость и действительную свободу.

В религии, человек животное, выйдя из звериного состояния, делает первый шаг к человечности; но покуда он останется религиозным, он никогда не достигнет своей цели, ибо всякая религия присуждает его к нелепости, и, ведя его по ложному пути, заставляет искать божественное вместо человеческого. В религии народы, едва освободившись от естественного рабства, в котором остаются животные других пород, тотчас же впадают в новое рабство, в рабство к сильным людям и кастам, привилегированным, благодаря божественному избранию.

Один из главных атрибутов, бессмертных Богов, это, как известно, быть законодателями человеческого общества, основателями Государства. Человек, по уверению почти всех религий, был бы неспособен распознать, что хорошо и что дурно, что справедливо и что несправедливо, если бы он был предоставленным собственным силам. Итак, необходимо было, чтобы само божество, тем или другим способом, спустилось на землю, чтобы просветить человека и основать в человеческом обществе политический и социальный порядок. Отсюда вытекает следующее торжествующее заключение: все законы и все предержащие власти освящены небом и им должно всегда и во что бы то ни стало оказывать слепое повиновение.

Это очень удобно для правителей и очень неудобно для управляемых. А так как мы принадлежим к последним, то все наши интересы требуют ближайшего рассмотрения основательности этого утверждения, которое всех нас обратило в рабов. Мы должны найти средство освободиться от его ига.

Вопрос теперь для нас чрезвычайно упростился. Бог, не существующий или являющийся ничем иным, как продуктом нашей способности к абстракции, соединенной с религиозным чувством, доставшимся нам по наследству от животных; Бог, являющийся лишь всемирным абстрактомом, лишенным всякого движения и самостоятельного действия, — это абсолютное Небытие, представляемое в виде всевышнего существа и награжденное жизнью одной лишь религиозной фантазией, абсолютно лишенное всякого содержания и обогащающееся всеми реальностями земли; возвращающее человеку в извращенном, испорченном виде то, что оно раньше у него отняло. Бог не может быть ни добр, ни зол, ни справедлив, ни несправедлив. Он не может ничего желать, ничего устанавливать, ибо, в сущности, он ничто, и становится всем лишь благодаря религиозному легковерию. Поэтому, если это последнее нашло в нем идеи справедливости и добра, то только потому, что раньше само вложило их в него, не подозревая этого; думая, что получает, оно само вкладывало. Но, чтобы вложить эти идеи в Бога, человек должен был их иметь! Где он их нашел? Конечно, в себе самом. Но все, что он имеет, он поручил сперва в своем животном состоянии, — ибо его дух ничто иное, как выявление, слово его животной природы. Итак, идеи справедливости и добра должны иметь, подобно всем другим человеческим вещам, корень в самой животности человека.

И в самом деле, элементы того, что мы называем моралью, находятся уже в животном мире. Во всех породах животных, без малейшего исключения, и лишь с громадной разницей в отношении развитости, мы встречаем два противоположных инстинкта; инстинкт сохранения индивида и инстинкт сохранения породы, или, говоря человеческим языком, эгоистический инстинкт и инстинкт социальный. С точки зрения науки, как и с точки зрения самой природы, эти два инстинкта равно естественны и следовательно законны, и что всего важнее, равно необходимы в естественной экономии существ. Индивидуальный инстинкт является основным условием сохранения породы; ибо если бы индивиды не защищались всеми силами против всех лишений, всех внешних опасностей, непременно угрожающих их существованию, то не могла бы существовать и сама порода, которая живет лишь в индивидах и через индивидов. Но если бы мы захотели судить об этих двух стремлениях, стоя лишь на точки зрения исключительного интереса породы, то мы сказали бы, что социальный инстинкт хорош, а индивидуальный, поскольку он ему противоположен, дурен. У муравьев, у пчел добродетель преобладает над пороком, ибо у них социальный инстинкт, как кажется, совершенно подавляет индивидуальный инстинкт. Совершенно противоположное видим мы у диких зверей, и мы не ошибемся, если скажем, что в животном мире, вообще, преобладает эгоизм. Напротив того, инстинкт породы пробуждается лишь на короткий срок и длится лишь столько времени, сколько необходимо для воспроизведения и воспитания семьи.

Иначе обстоит дело с человеком. Повидимому, и это одно из доказательств великого превосходства человека над всеми другими породами животных, — оба противоположные инстинкта, эгоизм и общественность в человеке и гораздо могущественнее и гораздо

нераздельнее друг от друга, чем во всех животных низших пород. Человек в своем эгоизме свирепее самых кровожадных зверей, и в то же время он более обществен, чем пчелы и муравьи.

Проявление в каком-либо животном большей силы эгоизма, т. е. большей индивидуальности, является несомненным доказательством сравнительно большого совершенства его организма и знаком более развитой сознательности. Каждая порода животных подчинена, как таковая, специальному естественному закону, т. е. развивается и сохраняется особыми, только ей свойственными путями, которые отличают ее от всех прочих животных пород. Закон этот не имеет реального существования, помимо живых индивидов, принадлежащих к управляемой им породе; вся реальность этого закона в этих индивидах, но он абсолютно управляет ими и они являются его рабами. В самых низших породах этот закон проявляется скорее как процесс растительной, чем животной жизни; он почти совершенно чужд им, являясь почти внешним законом, которому индивиды, если только к ним можно применить это название, повинуются, так сказать, механически. Но чем более усложняются породы, приближаясь прогрессивно все более к человеку, тем более индивидуализируется управляющий ими специальный, родовой закон, тем более он осуществляется и проявляется в каждом индивиде, который тем самым приобретает более определенный характер, более обособленную физиономию, так что, продолжая повиноваться этому закону также фатально, как и другие, индивид раз этот закон проявляется в нем больше под видом его собственного стремления, под видом скорее внутренней, чем внешней необходимости, — несмотря на то, что эта внутренняя необходимость всегда является в нем продуктом множества внешних причин, о чем он не подозревает, — чувствует себя более свободным, более автономным, более самостоятельным, чем индивиды низших пород. Он начинает ощущать свою свободу.

Мы можем, стало быть, сказать, что сама природа в своих прогрессивных видоизменениях стремится к освобождению, и что уже большая индивидуальная свобода внутри природы является несомненным знаком превосходства. Существом, сравнительно, самым индивидуальным и самым свободным, с точки зрения животного царства, является бесспорно человек.

Мы сказали, что человек это самое индивидуальное из земных существ, — но он является и самым социальным из всех существ. Большой ошибкой со стороны Ж. Ж. Руссо было предположение, что первобытное общество было основано посредством свободного договора, заключенного дикарями, между собой. Но не один Руссо это утверждает. Большинство современных юристов и публицистов, из школы Банта, или из всякой другой индивидуалистической и либеральной школы, не признающие ни общества, основанного на божественном праве теологов, ни общества, определяемого гегелианской школой, как более или менее мистическую реализацию объективной морали, ни первобытно-животного общества натуралистов, берут *volens nolens* и за неимением другого основания, — за свою исходную точку молчаливый договор. Молчаливый договор! Т. е. контракт без слов и, следовательно, без мысли, без воли, — возмутительная нелепость! Бессмысленная фикция и, что хуже, злая фикция. Недостойное надувательство! Ибо оно предполагает, что в то время, когда я еще не был в состоянии ни желать, ни думать, ни говорить только тем, что я давал себя обирать без протеста, я уже дал согласие на вечное рабство как свое, так и

всего своего потомства!

Последствия общественного договора поистине злополучны, ибо они приводят к абсолютному властвованию Государства. И, однако, взятый за исходную точку, принцип кажется чрезвычайно либеральным. Индивиды, до заключения этого контракта, предполагаются пользующимися всецело свободой, ибо, согласно этой теории, только естественный человек, дикарь, и обладает полной свободой. Мы высказали свое мнение об этой естественной свободе, которая является ничем иным, как абсолютной зависимостью человека-гориллы от постоянного влияния внешнего мира. Но предположим, что человек действительно свободен в исходной точке своей истории; зачем бы тогда, спрашивается, образовываться обществу? Для того, отвечают, чтобы гарантировать индивиду безопасность от возможных вторжений этого самого внешнего мира, включая сюда всех других людей, живущих обществами или нет, но которые не принадлежат к этому новому образующемуся обществу.

Итак, вот каковы эти первобытные люди, совершенно свободные, каждый сам по себе и для себя самого, но которые пользуются этой безграничной свободой лишь покуда не встретятся друг с другом, лишь поскольку остаются погруженными в абсолютное индивидуальное одиночество. Свобода одного не нуждается в свободе другого; напротив того, каждая из этих индивидуальных свобод довольствуется сама собой, существует сама по себе, так что свобода каждого необходимо представляется отрицанием свободы всех других, и все свободы, встречаясь одна с другой, должны взаимно ограничивать друг друга и уменьшать, должны противоречить одна другой и взаимно уничтожать друг друга...

Дабы не уничтожить друг друга совершенно, они заключают между собой явный или молчаливый договор, посредством которого они отдают часть самих себя, чтобы обеспечить остальное. Этот договор становится основанием общества или лучше сказать Государства; ибо надо заметить, что в этой теории нет места для общества, в ней существует только Государство, или лучше сказать общество в ней совершенно поглощено Государством.

Общество, это естественный образ существования человеческого коллектива, независимо от всякого договора. Оно управляется правами и традиционными обычаями, но не законами. Оно медленно прогрессирует, движимое импульсами индивидуальной инициативы, а не мыслью и волей законодателя. Существует много законов, управляющих обществом без его ведома, но это законы естественные, присущие социальному телу, как физические законы присущи материальным телам. Большая часть этих законов до сих пор не открыта, а между тем они управляли человеческим обществом с его рождения, независимо от мысли и воли составлявших его людей. Отсюда вытекает, что их не надо сравнивать с законами политическими и юридическими, которые, провозглашенные какой-нибудь законодательной властью в разбираемой нами теории, признаются логическими выводами первого договора, сознательно заключенного людьми.

Государство не является непосредственным продуктом природы; оно не предшествует, как общество, пробуждению мысли в человеке, и мы попытаемся в дальнейшем показать, каким образом религиозное сознание создает его в естественном обществе. По мнению либеральных публицистов, первое Государство было создано свободной и сознательной

волей людей; по мнению абсолютистов, оно является созданием божества. В обоих случаях оно главенствует над обществом и стремится его совершенно поглотить.

Во втором случае это поглощение понятно само собой: божественное учреждение необходимо должно пожрать всякую естественную организацию. Любопытнее всего то, что индивидуалистическая школа со своим свободным договором приходит к тому же результату. И в самом деле, эта школа начинает с отрицания самого существования естественного общества, предшествовавшего заключению договора — ибо подобное общество предполагает между индивидами естественные отношения и, следовательно, взаимное ограничение их свобод, что противоречило бы абсолютной свободе, которую каждый, согласно этой теории, пользуется до заключения договора, и что было бы ни более ни менее, как этот самый договор, существующий как естественный факт и даже предшествующий свободному договору. Согласно этой теории, стало быть, человеческое общество начинается лишь с заключения договора. Но тогда что такое это общество? Это чистое, логическое осуществление договора со всеми его предначертаниями и законодательными и практическими следствиями, — это Государство.

Рассмотрим его поближе. Что оно из себя представляет? Сумму отрицаний индивидуальных свобод всех его членов; или же сумму жертв, приносимых всеми его членами, отказывающимися от доли своих свобод в пользу общего блага. Мы видели, что согласно индивидуалистической теории, свобода каждого составляет границу или естественное отрицание свободы всех других. Так вот это абсолютное ограничение, это отрицание свободы каждого во имя свободы всех или общего права, — это и есть Государство. Стало быть, там, где начинается Государство, кончается индивидуальная свобода и наоборот.

Мне ответят, что Государство, представитель общественного блага или всеобщего интереса, отнимает у каждого часть его свободы, лишь для того, чтобы обеспечить ему остальное. Но это остальное, это, если хотите, безопасность, но никак не свобода. Свобода неделима: нельзя урезать ее, не убивая целого. Та малая часть, которую вы урезываете, составляет самую сущность моей свободы, она все. В силу естественного, необходимого и непреодолимого влечения, вся моя свобода концентрируется именно в той части, которую вы урезаете, сколь бы ни была мала эта часть. Это история жены Синей Бороды, которая имела в своем распоряжении целый дворец с полной и всецелой свободой проникать всюду, видеть и трогать все, за исключением маленькой комнатки, которую всевластная воля ее ужасного мужа запретила ей открывать под страхом смерти. И вот, отвернувшись от всех великолепий дворца, все ее внимание сосредоточилось на этой плохой, маленькой комнатке: она открыла ее и была права, открывая ее, ибо это был необходимый акт ее свободы, между тем, как запрещение входить туда было вопиющим нарушением этой самой свободы. Это также история грехопадения Адама и Евы: запрещение вкушать плод от дерева познания добра в зла на том только основании, что такова была воля Господа, являлись со стороны Бога актом ужасного деспотизма, и если бы наши прародители послушались, весь человеческий род оставался бы погруженным в самое унижайшее рабство. Напротив, их непослушание нас освободило и спасло. Это было, говоря мифически, первым актом человеческой свободы.

Но, скажут мне, Государство, демократическое Государство, основанное на свободном всеобщем избирательном праве всех граждан, не может быть отрицанием их свободы. А почему же нет? Это будет вполне зависеть от назначения и власти, какие граждане предоставят Государству. Республиканское Государство, основанное на всеобщем избирательном праве, может быть очень деспотичным, более даже деспотичным, чем монархическое Государство, если под тем предлогом, что оно является представителем всеобщей воли, оно будет давить волю и свободное движение каждого из своих членов всею тяжестью своего коллективного могущества.

Но Государство, скажут еще, ограничивает свободу своих членов лишь постольку, поскольку эта свобода направлена к несправедливости, ко злу. Оно мешает им убивать друг друга, грабить друг друга и оскорблять друг друга и вообще делать зло, но оно, наоборот, предоставляет им полную ж всецелую свободу делать добро. Это опять все та же история Синей Бороды или запретного плода: что такое зло, что такое добро?

С точки зрения разбираемой нами системы, до заключения договора не существовало различия между добром и злом, тогда каждый индивид одиноко пользовался своей свободой и своим абсолютным правом и не оказывал никакого внимания к свободе других, за исключением тех случаев, когда этого требовала его слабость или относительная сила, — другими словами, его благоразумие и личный интерес[9]. Тогда, согласно все той же теории, эгоизм был верховным законом, единственным правом: добро определялось успехом, зло — одной только неудачей, и справедливость была ничем иным, как признанием совершившегося факта, как бы он ни был ужасен, жесток и отвратителен, — совсем, как в политической морали, преобладающей в настоящее время в Европе.

Различие между добром и злом, начинается, согласно этой системе, лишь по заключении общественного договора. Тогда все, что было признано составляющим общее благо, было провозглашено добром, а все, что было противно этому благу, — злом. Договаривающиеся члены, сделавшись гражданами, связав себя более или менее торжественным обещанием, тем самым наложили на себя обязанность подчинять свои частные интересы общему благу, неразделенному интересу всех, и свои личные права отделили от общественного права, единственный представитель которого, Государство, было тем самым облечено властью подавлять всякий бунт индивидуального эгоизма, но с обязанностью защищать неприкосновенность прав каждого из своих членов, пока эти права не вступают в противоречие с правом общим.

Теперь мы рассмотрим, что должно из себя представлять таким образом устроенное Государство, как в его отношениях к другим, подобным ему, Государствам, так и в его отношениях к управляемому им населению. Это исследование представляется нам тем более интересным и полезным, что Государство, как оно определяется в этой теории, есть именно современное Государство, поскольку оно отбросило религиозную идею; это светское или атеистическое Государство, провозглашенное современными публицистами. Посмотрим же, в чем состоит его мораль? — Это, как мы сказали, современное Государство, освободившееся из под ига церкви, и, следовательно, отбросившее всемирную или космополитическую мораль христианской религии, и, прибавим мы, еще не дошедшее до гуманитарной идеи, не проникшееся гуманитарной моралью, что, впрочем, ему невозможно

сделать, не уничтожая себя, ибо в своем обособленном существовании и обособленной концентрации, государство является слишком узким, чтобы быть в состоянии охватить, вместить интересы всего человечества и, следовательно, и всечеловеческую мораль.

Современные Государства достигли именно вышеописанного состояния. Христианство служит им лишь предлогом и фразой, или средством обманывать простецов, ибо они преследуют цели, не имеющие никакого отношения к религиозным идеям. И великие государственные люди наших дней: Пальмерстоны, Муравьевы, Кавуры, Бисмарки, Наполеоны очень бы посмеялись, если бы ктонибудь принял всерьез их религиозные убеждения. Они бы посмеялись еще более, если бы им приписали гуманитарные чувства, намерения и стремления, которые они не пропускают случая публично обозвать глупостью. Что же им остается для образования морали? Единственно, государственный интерес. С этой точки зрения, которая, впрочем, за очень малыми исключениями, была точкой зрения государственных людей, сильных людей всех времен и всех стран, все что служит к сохранению, возвеличению и укреплению государства, как бы это ни было святотатственно с религиозной точки зрения, как бы это ни казалось возмутительным с точки зрения человеческой морали, — является добром, и, наоборот, все что противоречит государственному интересу, хотя бы в других отношениях это было самой святой и самой человечески-справедливой вещью, — является злом. Такова в своей неподдельности мораль и вековая практика всех Государств.

Такова же мораль Государства, основанного на теории общественного договора. Согласно этой системе, добро и справедливость начинают существовать лишь с заключения договора и являются ничем иным, как содержанием и целью договора т. е. общим благом и общественным правом всех заключивших его индивидов, — Исключаются все не принимавшие участия в заключении договора. Следовательно, под добром в этой системе понимается лишь наибольшее удовлетворение коллективного эгоизма частной и ограниченной ассоциации, которая, будучи основана на частичном пожертвовании индивидуальным эгоизмом с стороны каждого из ее членов, выключает из своей среды, как иностранцев и естественных врагов, огромное большинство человеческого рода, входящее или не входящее в подобные же ассоциации.

Существование одного какого-нибудь ограниченного Государства предполагает и, в случае нужды, вызывает образование нескольких других Государств, ибо, естественно, индивиды, находящиеся вне его и угрожаемые с его стороны в своем существовании и свободе, соединяются, в свою очередь, против него. И вот человечество разбивается на бесконечное число Государств, чуждых, враждебных и угрожающих друг другу. Между ними нет общественного договора, нет общего права, ибо в противном случае они бы перестали быть абсолютно независимыми друг от друга Государствами и сделались бы составными частями одного великого Государства. Но если только это великое Государство не охватит все человечество, оно будет иметь против себя другие великие, внутренне федеративные Государства, которые необходимо будут относиться к нему с тою же враждебностью, и война останется верховным законом и внутренней необходимостью в жизни человечества.

Каждое государство, федеративно или нет его внутреннее устройство, должно стремиться, под страхом гибели, сделаться самым могущественным. Оно должно пожирать, дабы не

быть пожранным, завоевывать, чтобы не быть завоеванными, поработать, чтобы не быть поработанным, ибо две равные, но в то же время противоположные силы не могут существовать, не уничтожая друг друга.

Государство, — это самое вопиющее, самое циничское и самое полное отрицание человечества. Оно разрывает всемирную солидарность всех людей на земле, и соединяет часть их лишь с целью уничтожения, завоевания и порабощения всех остальных. Оно берет под свое покровительство лишь своих собственных граждан, признает человеческое право, человечность и цивилизацию лишь внутри своих собственных границ; не признавая вне себя самого никакого права, оно логически присваивает себе право самой свирепой бесчеловечности по отношению ко всем чужим народностям, которых оно может по своему произволу громить, уничтожать или поработать. Если оно и выказывает по отношению к ним великодушие и человечность, то никак не из чувства долга; ибо оно имеет обязанности, во первых, лишь по отношению к самому себе; и, во вторых, к тем из своих членов, которые его свободно основали, которые продолжают его свободно составлять, или же, как это всегда в конце концов случается, сделались его подданными. Так как международное право не существует, так как оно никак не может существовать серьезным и действительным образом, не подрывая в самом основании принцип абсолютной верховности Государств, то Государство не может иметь никаких обязанностей по отношению к чужим народностям. Если оно, стало быть, гуманно обращается с покоренным народом, если оно лишь на половину его обирает и уничтожает, если оно не низводит его до последней степени рабства, то оно поступает так из политики, может быть, из осторожности или по чистому великодушию, но никогда не по долгу, — ибо оно имеет абсолютное право располагать покоренными народами по своему произволу.

Это вопиющее отрицание человечности, составляющее сущность Государства, является с точки зрения последнего высшим долгом и самой большой добродетелью: оно называется патриотизмом и составляет наивысшую мораль Государства. Мы называем ее наивысшей трансцендентной моралью, потому что она обыкновенно превосходит уровень человеческой, частной или общественной морали и справедливости, и тем самым чаще всего становится в противоречие с ними. Так например, оскорблять, угнетать, грабить, считается с точки зрения обыкновенной человеческой морали, преступлением. Наоборот, в общественной жизни и с точки зрения патриотизма, когда это делается для большей славы Государства, для сохранения или расширения его могущества, все это становится долгом и добродетелью. И эта добродетель, этот долг обязательны для каждого гражданина-патриота; каждый считается обязанным их исполнять не только против иностранцев, но даже против своих собственных соотечественников, подобных ему членов и подданных Государства, всякий раз, как того требует благо Государства.

Это объясняет, нам почему с самого начала истории, т. е. с зарождения Государств, политический мир всегда был и продолжает быть ареной высшего мошенничества и несравненного разбоя, — разбоя и мошенничества, впрочем, высоко ценимых, ибо они предписаны патриотизмом, высшей моралью и верховным интересом государства. Это объясняет нам, почему вся история древних и современных государств является лишь рядом возмутительных преступлений; почему короли и министры в прошедшем и настоящем, во все времена и во всех странах, государственные люди, дипломаты, бюрократы и военные,

являются, если их судить с точки зрения простой морали и человеческой справедливости, достойными сто раз, тысячу раз виселицы или каторги; ибо не существует ужаса, жестокости, святотатства, клятвопреступления, обмана, низкой сделки, цинического воровства, бесстыдного грабежа и грязной измены, которые бы не совершались, которые бы не продолжали ежегодно совершаться представителями государств, без всякого другого извинения, кроме эластичного, столь удобного и вместе с тем столь страшного слова: государственный интерес.

Истинно ужасное слово! Оно развратило и обесчестило больше людей в официальных сферах и правящих классах общества, чем само Христианство. Как только это слово произнесено, все замолкает, все исчезает; добросовестность, честь, справедливость, право, само сострадание и вместе с ними исчезает логика и здравый смысл; черное становится белым, а белое черным, отвратительное — человеческим, а самые подлые обманы, самые ужасные преступления становятся достойными поступками.

Великий итальянский философ и политик, Макиавелли, был первым, произнесшим это слово, или, по крайней мере, первым, придавшим ему его настоящее значение и огромную популярность, которою оно еще и доселе пользуется в правящем мире. Мыслитель, реалист и позитивист в высшей степени Макиавелли первый понял, что крупные и могущественные Государства могут быть основаны и поддерживаемы лишь преступлениями, множеством больших преступлений и самым крайним презрением ко всему, называемому честностью. Он это написал, объяснил и доказал со страшной откровенностью. И так как идея человечества была в то время совершенно неведома; так как идея братства, не человеческого, а религиозного, проповедываемая католической церковью, была в то время, как и всегда, ничем иным, как ужасной иронией, которую Церковь разоблачала каждое мгновение своими же мероприятиями; так как во время Макиавелли никому бы не пришло даже в голову, что существует какое то народное право, — ибо народы всегда рассматривались, как инертная и тупая масса, приговоренная к бесконечному послушанию, как своего рода мясо для государств, как предмет для стрижки и обирания; так как нигде, ни в Италии, ни вне ее не было решительно ничего, что бы было выше государства, — то Макиавелли заключил с большой логичностью, что Государство есть высшая цель всего человеческого существования, что надо служить ему во что бы то ни стало, и что хороший патриот не должен останавливаться, служа ему, ни перед каким преступлением, ибо интерес Государства перевешивает все остальное. Макиавелли советует преступление, он предписывает его и объявляет, что оно необходимое условие политической мудрости и истинного патриотизма. Называется ли государство монархией или республикой, преступление равно необходимо для его торжества и для его сохранения. Преступление изменит, конечно, свое направление и цель, но характер его останется тот же. Это будет всегда мощное, непрестанное поправление справедливости, сострадания и честности — ради блага Государства.

Да, Макиавелли прав; мы не можем в этом сомневаться после опыта трех с половиной столетий, прибавившегося к его опыту. Да, вся история говорит нам это: тогда как мелкие государства добродетельны лишь благодаря своей слабости, могущественные государства поддерживаются лишь преступлением. Только вывод наш будет совершенно иной, чем вывод Макиавелли и это по очень простой причине: мы дети Революции и мы наследовали

от нее Религию человечества, которую мы должны основать на развалинах Религии божества; мы верим в права человека, в достоинство и необходимое освобождение человеческого рода; мы верим в человеческую свободу и в человеческое братство, основанное на человеческой справедливости. — Одним словом, мы верим в победу человечества на земле. Но это торжество, которое мы страстно призываем и которое мы хотим приблизить нашими общими усилиями, являющееся по самой природе своей, отрицанием преступления, которое само ничто иное, как отрицание человечества, может осуществиться лишь когда преступление перестанет быть тем, чем оно является более или менее в настоящее время повсюду: самым основанием политического существования народов, поглощенных, поработанных государственной идеей. — И так как теперь уже доказано, что никакое государство не может существовать, не совершая преступлений, или во крайней мере, не мечтая о них, не обдумывая их исполнение, если оно по бессилию и не может выполнять их на деле, — то мы заключаем, что безусловно необходимо уничтожение Государств или, если хотите, их полное и коренное переустройство, в том смысле, чтобы они перестали быть централизованными и организованными сверху вниз державами, основанными на насилии или на авторитете какого-нибудь принципа, и реорганизовались бы снизу вверх, с абсолютной свободой для всех частей, входить в союз или нет и с сохранением для каждой части свободы всегда выйти из этого союза, даже если бы она вошла в него по доброй воле; реорганизовались бы согласно действительным интересам и естественным стремлениям всех частей, через свободную федерацию индивидов и ассоциаций, коммун, областей, провинций и наций в единое человечество.

Таковы выводы, к которым нас необходимо приводит исследование внешних отношений даже так называемого свободного Государства к другим государствам. В дальнейшем мы увидим, что Государство, основывающееся на божественном праве или религиозной санкции, приходит совершенно к тем же результатам. Рассмотрим теперь отношение Государства, основанного на свободном договоре, к своим собственным гражданам или подданным.

Мы видели, что выбрасывая огромное большинство человеческого рода из своей среды, что ставя его вне сферы обязательств и взаимного долга морали, справедливости и права, Государство отрицает человечество и посредством громкого слова: Патриотизм, обязывает своих подданных к несправедливости и жестокости, как к высшему долгу. Оно ограничивает, убивает в них человечность, дабы перестав быть людьми, они сделались только гражданами, или — с точки зрения исторической последовательности фактов справедливей сказать, — чтобы они не поднялись выше гражданина, не достигли до высоты человека. — Мы видели, впрочем, что всякое государство, под страхом гибели и поглощения соседними государствами, должно стремиться к всемогуществу, и, сделавшись могущественным, должно завоевывать другие государства. Кто говорит о завоевании, говорит о завоеванных, угнетенных, обращенных в рабство народах, под какой бы это ни делалась формой или названием. Итак, рабство является необходимым следствием существования Государства.

Рабство может изменить формы и название, но суть его остается неизменной. Эта суть выражается в следующих словах: быть рабом, значит быть принужденным работать для другого, — также как быть господином, это значит пользоваться работой другого. В древнем

мире, подобно тому, как теперь в Азии, в Африке и даже еще в части Америки, рабы назывались прямо рабами. В средних веках они получили имя крепостных, в настоящее время их называют наемниками. Положение этих последних гораздо более достойно и менее тяжело, чем положение рабов, но тем не менее голод, а также политические и социальные учреждения принуждают их выполнять очень тяжелую работу, для того, чтобы дать возможность другим проводить жизнь в полном или относительном бездействии. Следовательно, они рабы. И вообще, ни одно древнее или современное государство никогда не могло обойтись без принудительного труда наемных и поработченных масс, как главного и абсолютно необходимого условия досуга, свободы и культурного развития политического класса — граждан. — В этом отношении, даже Соединенные Штаты Северной Америки не составляют исключения.

Таковы внутренние условия жизни государства, необходимо вытекающие из его внешнего положения, т. е. из его естественной, постоянной и неизбежной враждебности по отношению ко всем другим государствам. Посмотрим теперь, каковы условия, непосредственно вытекающие для граждан из свободного договора, на котором они строят государство.

Назначение государства не ограничивается обеспечением безопасности своих членов против всех внешних нападений, оно должно еще во внутренней жизни защищать их друг от друга и каждого от самого себя. Ибо государство, — и это его характерная и основная черта, — всякое государство, как и всякая теология, основывается на предположении, что человек существенно зол и дурен. В государстве, нами теперь рассматриваемом, добро, как мы видели, начинается лишь с заключения общественного договора и является, следовательно, лишь следствием этого договора и даже его содержанием. Оно не является порождением свободы. Напротив, покуда люди остаются уединенными в своей абсолютной индивидуальности, пользуясь всей своей естественной свободой, не знающей других границ, кроме границ возможности, а не права, до тех пор они следуют лишь одному закону, — своему естественному эгоизму, они оскорбляют друг друга, взаимно друг друга обкрадывают, обирают, убивают и пожирают, каждый соразмерно своему уму, своей хитрости, своим материальным силам, подобно тому как поступают, как мы это уже видели, в настоящее время, государства. — Следовательно, человеческая природа рождает не добро, а зло; человек по природе дурен. Каким образом он таким сделался? Объяснить это — дело теологии. Факт тот, что государство, при своем возникновении находит человека уже дурным и берется сделать его хорошим, т. е. пересоздать естественного человека в гражданина.

На это можно возразить, что так как государство является продуктом свободно заключенного людьми договора, а добро является продуктом государства, то, следовательно, оно — продукт свободы! Подобный вывод совершенно неверен. Государство даже по этой теории не является продуктом свободы а, наоборот, жертвы и добровольного отречения от свободы. Люди в естественном состоянии совершенно свободны с точки зрения права, но на деле они подвержены всем опасностям, которые каждую минуту угрожают их жизни и безопасности. И вот, чтобы обеспечить эту последнюю, они отрекаются от большей или меньшей части своей свободы, и поскольку они пожертвовали ею ради своей безопасности, поскольку они стали гражданами, постольку они сделались

рабами Государства. Поэтому, мы правы, утверждая, что с точки зрения Государства добро рождается не из свободы, но, наоборот, из отрицания свободы.

Замечательная вещь это подобие между теологией — наукой Церкви, и политикой — теорией Государства, эта встреча двух столь различных по внешности родов мыслей и фактов в одном и том же убеждении: убеждении в необходимости заклания человеческой свободы ради насаждения в людях нравственности и пересоздания их, согласно Церкви — в святых, согласно Государству — в добродетельных граждан. — Что касается до нас, мы нисколько этому не удивляемся, ибо мы убеждены и постараемся ниже доказать, что политика и теология, родные сестры, имеющие одно происхождение и преследующие одну цель под разными именами; это всякое государство является земной церковью, подобно тому как в свою очередь всякая церковь вместе со своим небом — местопребыванием блаженных и бессмертных Богов, является ничем иным, как небесным Государством.

Государство, стало быть, как и церковь, исходит из того основного предположения, что люди существенно дурны и что предоставленные своей естественной свободе, они бы раздирали друг друга и являли бы зрелище самой ужасной разнузданности, где самые сильные убивали бы или эксплуатировали самых слабых. — Не правда ли, это было бы нечто совершенно противоположное тому, что происходит в настоящее время в наших образцовых государствах? Далее, государство возводит в принцип положение, что для того, чтобы установить общественный порядок, необходима высшая власть; что для того, чтобы руководить людьми и подавлять их дурные страсти, необходим руководитель и узда; но что эта власть должна принадлежать человеку гениальному и добродетельному[10] законодателю своего народа, как Моисей, Ликург и Солон, — и что тогда этот вождь и эта узда будут воплощать в себе мудрость и карающую мощь государства.

Во имя логики мы бы могли поспорить об уместности законодателя, ибо в рассматриваемой нами теперь системе речь идет не о кодексе законов, налагаемом какойнибудь властью, а о взаимном договоре, свободно заключенном свободными основателями государства. И так как эти основатели, согласно разбираемой системе, были ни более ни менее, как дикарями, которые до тех пор жили в самой полной естественной свободе и, следовательно, должны были не знать различия между добром и злом, то мы могли бы спросить, каким образом они вдруг стали различать их и отделять? Правда, нам могут возразить, что дикари заключили вначале свой взаимный договор с единственной целью обеспечить свою безопасность; поэтому то, что они называли добром было ничто иное, как несколько немногочисленных пунктов, внесенных в договор, как например: не убивать друг друга, не грабить имущество друг у друга и взаимно оказывать друг другу помощь при всех нападениях извне. Но впоследствии, законодатель, гениальный и добродетельный человек, родившийся уже в таком образом организованном обществе, и поэтому воспитанный, в некотором роде, в его духе, мог расширить и углубить условия общественной жизни и таким образом создать первый кодекс нравственности и законов.

Но сейчас же возникает другой вопрос. Предположим, что человек, одаренный необычайными гениальными способностями и рожденный в среде этого еще весьма первобытного общества, был в состоянии, при помощи очень грубого воспитания, которое он получил в этом обществе, и благодаря своему уму, возвыситься до создания кодекса

нравственности. Но каким образом мог он добиться, чтобы этот кодекс был принят его народом? Силою одной логики? — Это невозможно. Логика в конце концов всегда торжествует, даже над самыми затверделыми умами; но для этого надо много больше времени, чем срок жизни одного человека, а имея дело с мало развитыми умами потребовалось бы, пожалуй, даже несколько столетий. С помощью силы принуждения? Но тогда это уже будет общество, основанное не на свободном договоре, а на завоевании, на порабощении. Последнее предположение приведет нас прямо к действительным историческим обществам, в которых все вещи объясняются, правда, гораздо более естественно, чем в теориях наших либеральных публицистов, но исследование и изучение которых не только не служат к прославлению государства, о котором так заботятся эти господа, но напротив того, заставляют нас, как мы это позже увидим, желать в возможно скором времени, его полного и коренного уничтожения.

Остается третий способ, посредством которого великий законодатель мог бы заставить своих сограждан принять свой кодекс: а именно божественный авторитет. И в самом деле, мы видим, что величайшие из известных законодателей, от Моисея до Магомета включительно, прибегли к этому средству. Оно очень действительно среди народов, в которых верования и религиозное чувство имеют еще большое влияние, и, конечно, очень могущественно среди дикарей. Но общество, основанное таким путем, не является уже обществом, основанным на свободном договоре. Основанное благодаря непосредственному, воздействию божественной воли, оно необходимо будет государством теократическим, монархическим или аристократическим, но ни в коем случае не демократическим. А так как с богами торговаться нельзя, так как они столь же могущественны, как и деспотичны, то приходится слепо принимать все, что они налагают и подчиняться их воле, во чтобы то ни стало. Отсюда вытекает, что в законодательстве, диктуемом богами, нет места для свободы. Оставим пока предположение, впрочем очень верное, об основании государства путем прямого или косвенного воздействия божественного всемогущества и, пообещав себе рассмотреть его впоследствии, возвратимся теперь к исследованию свободного государства, основанного на свободном договоре. Хотя мы и пришли к убеждению в совершенной невозможности объяснить противоречивый в себе самом факт законодательства, порожденного гением одного человека и единогласно принятого целым народом дикарей добровольно, так что законодатель не должен был прибегать к грубой силе или к какому нибудь божественному надувательству, но мы соглашаемся допустить это чудо и просим теперь объяснения другого чуда, не менее трудного для понимания, чем первое: предположим, что новый кодекс нравственности и законов провозглашен и единогласно принят, но каким образом осуществляется он на практике, в жизни? Кто наблюдает за его исполнением?

Можно ли предположить, чтобы после этого единогласного принятия, все или, хотя бы, большинство дикарей, составляющих первобытное общество и которые, до того, как новое законодательство было провозглашено были погружены в самую полную анархию, вдруг все сразу, в силу одного провозглашения его и свободного принятия, до такой степени переменились, что начали по собственному почину и без другой побудительной причины, кроме своих собственных убеждений, добросовестно соблюдать и правильно выполнять все предписания и законы, налагаемые на них неведомой до сих пор для них моралью.

Допущение возможности такого чуда было бы равносильно признанию бесполезности государства, признанию, что естественный человек способен понимать, желать и делать добро, побуждаемый единственно своей собственной свободой; а это было бы столь же противно теории так называемого свободного государства, как и теории государства религиозного или божеского. В основании обеих теорий лежит предположение, что человек неспособен возвыситься до добра и делать его по собственному, естественному побуждению, ибо это побуждение, согласно этим самым теориям, непреодолимо и непрестанно влечет людей во зло. Итак, обе теории нас учат, что для того, чтобы обеспечить соблюдение принципов и выполнение законов в каком бы то ни было человеческом обществе, необходимо, чтобы во главе государства стояла бдительная, правящая и, в случае нужды, карающая власть.

— Остается узнать, кто должен, и кто может ею обладать?

Относительно государства, основанного на божеском праве и через вмешательство какогонибудь Бога, ответ очень легок: власть должна принадлежать, во первых, священникам, во вторых, светским властям, освященным священниками. Гораздо более затруднителен ответ, при теории государства, основанного на свободном договоре. В самом деле, в чистой демократии, где царит свобода, кто должен быть стражем и исполнителем законов, защитником справедливости и общественного порядка, против злых помыслов каждого? — Ведь, каждый признан неспособным управлять и обуздывать самого себя в той мере, в какой это необходимо для блага государства, ибо свобода каждого имеет естественное влечение ко злу. — Тогда кто же будет выполнять обязанности Государства?

Скажут: самые лучшие из граждан, самые умные и добродетельные, те, которые лучше других поймут общие интересы общества и необходимость для каждого, долг каждого подчинять им свои частные интересы. В самом деле, необходимо, чтобы эти люди были столь же умны, как и добродетельны, ибо если они будут только умны без добродетели, они могут вести общественные дела в своих личных интересах, а если они будут добродетельны, но не умны, они неизбежно провалят общественное дело, несмотря на всю свою добросовестность. Стало быть, чтобы республика не погибла, необходимо, чтобы она обладала во все эпохи известным количеством такого рода людей; надо, чтобы во все продолжение ее существования следовал, так сказать, непрерывный ряд добродетельных и в то-же время умных граждан.

А условие это осуществляется не легко и не часто. В истории каждой страны эпохи, дающие значительное число выдающихся людей, отмечаются, как эпохи необыкновенные, блещущие сквозь мглу веков. Обыкновенно в правящих сферах преобладает посредственность, преобладает серый цвет, и часто, как мы это видим из истории, черный и красный цвета, т. е. торжествующие пороки и кровавое насилие. Мы могли бы отсюда заключить, что если бы была правда, как это с очевидностью вытекает из теории так называемого рационального или либерального государства, что сохранение и существование всякого политического общества зависят от непрерывного ряда следующих друг за другом замечательных, как по уму, так и по добродетели людей, — то из всех в настоящее время существующих обществ, нет ни одного, которое не должно бы было уже давно погибнуть. Если мы к этой трудности, чтоб не сказать невозможности, прибавим те, которые возникают

из совершенно особого развращающего действия, оказываемого на человека обладанием властью, если мы прибавим чрезвычайные искушения, которым неизбежно подвержены все люди, облеченные властью, прибавим влияние честолюбия, соперничества, зависти и гигантской жадности, которые осаждают так сказать день и ночь именно самых высокопоставленных лиц, и против которых не обеспечивают ни ум, ни даже добродетель, ибо добродетель отдельного человека хрупкая вещь, — то мы думаем, что имеем полное право считать чудом существование стольких обществ. Но оставим это.

Предположим, что в идеальном обществе находится, в каждую эпоху, достаточное число людей равно умных и добродетельных, которые могут достойно выполнять государственные функции. Кто их отыщет, кто их различит, кто вложит в их руки бразды правления? Или они сами их захватят в сознании своего ума и добродетели, подобно тому, как это сделали два греческие мудреца Клеобул и Периандр, которым, несмотря на их великую, предполагаемую мудрость, греки, тем не менее дали имя тиранов? Но каким образом они захватят власть? Посредством убеждения или посредством силы? Если посредством убеждения, то мы заметим что можно хорошо убеждать лишь в том, в чем сам убежден, и что именно лучшие люди бывают всего менее убеждены в своем собственном достоинстве; а если даже они и сознают его, то им обыкновенно неприятно говорить об этом другим, между тем, как люди дурные и посредственные вечно собой удовлетворенные, не испытывают никакого стеснения в самохвальстве. Но предположим, что желание служить своему отечеству, заставило замолчать в истинно достойных людях эту чрезмерную скромность, они выступают перед избирательным собранием своих сограждан. Будут ли они однако всегда выбраны, всегда предпочтены народом честолюбивым, красноречивым и ловким интриганам? Если же, напротив того, они хотят достичь власти силой, то им необходимо иметь в своем распоряжении достаточно силы чтобы сломить сопротивление целой партии. Они достигнут власти через междоусобную войну, после которой останется непримиренная, а лишь побежденная и враждебная партия. Чтобы сдерживать ее, им будет необходимо продолжать пользоваться силой. Тогда это не будет уже свободное общество, но деспотическое государство, основанное на насилии и в котором вы, может быть, найдете много вещей, которые покажутся вам восхитительными, но никогда не найдете свободы.

Для сохранения функции свободного государства, имеющего в своей исходной точке общественный договор, нам нужно предположить, что большинство граждан обладает всегда необходимым благоразумием, прозорливостью и справедливостью, чтобы во главе правления ставить самых достойных и самых способных людей. Но для того, чтобы народ проявлял, и не раз и не случайно, а всегда, во всех производимых им выборах, в продолжение всего своего существования, эту прозорливость, эту справедливость, это благоразумие, надо чтобы он сам взятый в целом, достиг той степени нравственного развития и культуры, при которой правительство и государство уже совершенно бесполезны. Такой народ должен только жить, предоставляя полную свободу всем своим влечениям. Справедливость и общественный порядок возникнут сами по себе и естественно из его жизни, и Государство, перестав быть провидением, опекуном, воспитателем, управителем общества, отказавшись от всякой карательной власти и ниспав до подчиненной роли, какую ему указывает Прудон, сделается ничем иным, как простым бюро, своего рода центральной конторой, предназначенной для услуг обществу.

Без сомнения, такая политическая организация, или, лучше сказать, такое ослабление политической деятельности в пользу свободы общественной жизни, было бы для общества великим благодеянием, но оно бы нисколько не удовлетворило сторонников необходимости государства. Им непременно нужно Государство-провидение, Государство управитель общественной жизни, Государство, чинящее суд и поддерживающее общественный порядок. Другими словами, сознаются ли они себе в этом или нет, называются ли они республиканцами, демократами или даже социалистами, — им всегда нужно, чтобы управляемый народ был более или менее невежествен, несовершеннолетен, неспособен, или, называя вещи их собственными именами, чтобы народ был более или менее — „чернью“. Это необходимо им, конечно, для того, чтобы поборов в себе бескорыстие и скромность, они могли бы оставаться на первых местах для того, чтобы иметь всегда возможность пожертвовать собой ради общественной пользы и чтобы, сильные добродетельным самоотвержением и своим исключительным умом, будучи привилегированными стражами человеческого стада, толкая его к его благу и ведя его к его спасению, они могли бы также и обирать его немного.

Всякая последовательная и искренняя теория государства существенно основана на принципе высшей власти, т. е. на той теологической, метафизической и политической идее, что массы, оставаясь вечно неспособными к самоуправлению, должны всегда пребывать под благодетельным игом мудрости и справедливости, подчиняться которым, тем или иным способом им вменяется сверху. Но во имя чего и кем вменяется им это подчинение? Власть, признаваемая и уважаемая массами, может иметь лишь три источника: силу, религию или превосходство ума. В последствии мы будем говорить о Государствах, основанных на двойной власти религии и силы; теперь, рассматривая теорию государства, основанного на свободном договоре, мы должны выключить оба эти фактора. Нам остается, стало быть, в данном случае, власть, основанная на превосходстве ума, которое как известно, всегда составляет удел меньшинства.

И в самом деле, что мы видим во всех прошлых и настоящих государствах, даже если они обладают самыми демократическими учреждениями, как, например Соединенные Штаты Северной Америки и Швейцария? „Народоправство“, несмотря на внешний вид народного всемогущества, остается почти всегда фикцией. В действительности меньшинство является правящим классом. В Соединенных Штатах до последней войны за освобождение рабов и отчасти даже до сих пор — например, вся партия нынешнего президента Джонсона — правительственной партией были и остаются, так называемые демократы, крайние сторонники рабства и свирепой олигархии плантаторов, бессовестные, продажные демагоги, готовые все закласть ради своей жадности, своего зловредного честолюбия и которые своей отвратительной деятельностью и влиянием, которым они беспрепятственно пользовались около пятидесяти лет кряду, сильно способствовали извращению политических народов Соединенных Штатов. В настоящее время истинно просвещенное, великодушное меньшинство, но все же и опять-таки меньшинство, — партия республиканцев, с успехом борется с зловредной политикой демократов. Будем надеяться, что его торжество будет полным, будем на это надеяться ради блага человечества; но как бы ни была велика искренность этой партии свободы, как бы ни были возвышены и великодушны провозглашаемые ею принципы; не следует надеяться, что достигнув власти, эта партия откажется от исключительного положения правящего меньшинства и что

народное самоуправление сделалось, наконец, действительным фактом. Для этого понадобилась бы революция более глубокая, чем все те, которые до сих пор потрясали старый и новый мир.

В Швейцарии, несмотря на все совершившиеся демократические революции, управляет все еще имущий класс, буржуазия, т. е. меньшинство привилегированное в отношении имущества, досуга и образования. Верховная власть народа, — слово которое нам, впрочем, ненавистно, ибо на наш взгляд всякая верховная власть достойна ненависти, — народное самоуправление в Швейцарии тоже является фикцией. Народ обладает здесь верховной властью по праву, но не на деле, ибо, поглощенный ежедневной работой, не оставляющей ему совсем досуга, и если не совершенно невежественный, то во всяком случае сильно уступающей в образовании буржуазному классу, он принужден отдавать в руки буржуазии свою фиктивную власть. Единственная выгода, которую он из нее извлекает, как в Соединенных Штатах Северной Америки, так и в Швейцарии, это что честолюбивое меньшинство, политические классы не могут добиться власти иначе, как ухаживая за ним, льстя его временным, иногда очень дурным страстям и чаще всего обманывая его.

Да не подумают, что мы хотим указать преимущество монархии перед демократическими учреждениями. Мы твердо убеждены, что самая несовершенная республика в тысячу раз лучше, чем самая просвещенная монархия, ибо в республике есть минуты, когда народ, хотя, и вечно эксплуатируемый, по крайней мере не угнетен, между тем как в монархиях он угнетен постоянно. И кроме того, демократический режим возвышает мало по малу массы до общественной жизни, а монархия никогда этого не делает. Но хотя мы и отдаем предпочтение республике, все же мы принуждены признать и провозгласить, что какова бы ни была форма правления, все же, пока вследствие наследственного неравенства занятий, имущественного, образования и прав, человеческое общество останется разделенным на различные классы, до тех пор, будет править исключительно меньшинство и будет неизбежная эксплуатация этим меньшинством большинства.

Государство есть ничто иное, как эти систематизированные главенство и эксплуатация. Мы попробуем это доказать, рассматривая следствия управления народными массами какимнибудь меньшинством, сколь угодно просвещенным и самоотверженным, в идеальном Государстве, основанном на свободном договоре.

Раз условия договора определены, остается лишь провести их на практике. Предположим, что народ, достаточно мудрый, чтобы признать свою собственную неспособность, имеет еще необходимую прозорливость, чтобы верить управление общественными делами лишь самым лучшим гражданам.

Эти привилегированные индивиды, привилегированы вначале не с точки зрения права, а лишь на деле. Они были выбраны народом потому, что они самые просвещенные, самые искусные, самые мудрые, самые мужественные и самые самоотверженные. Взятые из массы граждан, которые по предположению все между собой равны, они не образуют еще пока собой отдельного класса, но лишь отдельную группу, привилегированную лишь природой, и вследствие этого отличенную народным избранием. Число их необходимо весьма ограничено, ибо во всякой стране и во всякое время число людей, одаренных такими

выдающимися качествами, что они словно вынуждают всеобщее уважение народа, бывает, как это показывает нам опыт, весьма незначительным. Итак из боязни плохо выбрать, народ должен будет всегда избирать своих правителей из этого незначительного числа.

И вот общество уже разделяется на две категории, чтобы не сказать еще на два класса, из которых одна, составленная из громадного большинства граждан, добровольно подчиняется правлению своих выборных; другая, состоящая из незначительного числа даровитых натур, признанных и избранных народом в качестве таковых, уполномочена народом управлять им. Завися от народного избрания, эти люди вначале не отличаются от массы граждан ничем иным, кроме как теми самыми качествами, которые снискали им доверие своих соотечественников, и являются среди всей массы граждан естественно, самыми полезными и самоотверженными. Они не присваивают еще себе никакой привилегии, никакого особенного права, за исключением права выполнять, покуда этого желает народ, специальные обязанности, которые на них возложены. Во всем прочем, в образе жизни, в условиях и средствах своего существования, они нисколько не отличаются от народа, так что между всеми продолжает царить совершенное равенство.

Но может ли это равенство долго продолжаться? Мы утверждаем, что нет, и это очень легко доказать.

Нет ничего более опасного для личной нравственности человека, как привычка повелевать. Самый лучший, самый просвещенный, бескорыстный, великодушный, чистый человек неизбежно испортится при этих условиях. Власть присущи два чувства, которые обязательно производят эту деморализацию: презрение к народным массам и преувеличение своего собственного достоинства.

Массы, сознав свою неспособность к самоуправлению, выбрали меня в вожди. Тем самым они открыто признали мое превосходство и свое сравнительное ничтожество. Из всей этой толпы людей, в которой есть лишь два, три человека, могущих быть признанными мной за равных, я один способен управлять общественными делами. Народ во мне нуждается, он не может обойтись без моих услуг, между тем как я довольствуюсь самим собой. Итак народ должен повиноваться мне для собственного своего блага, и снисходя до управления им, я создаю его счастье.

Не правда ли, этого всего совершенно достаточно, чтобы потерять голову и обезуметь от гордости? — Таким образом, власть и привычка повелевать становятся даже для самых просвещенных и добродетельных людей источником интеллектуального и морального самообольщения.

Всякая человеческая мораль, — немного ниже мы постараемся доказать абсолютную истину этого принципа, развитие, объяснение и самое широкое применение которого составляют главную цель этого сочинения, — всякая коллективная и индивидуальная мораль существенно покоится на человеческом уважении. Что подразумеваем мы под человеческим уважением? — Признание человечности, человеческого права и человеческого достоинства в каждом человеке, какова бы ни была его раса, цвет его кожи, степень развития его ума и даже нравственности. Но могу ли я уважать человека, если он глуп, зол, презрен?

Конечно, если он обладает этими качествами, то мне невозможно уважать в нем его подлость, тупоумие, глупость. Эти качества меня возмущают и вызывают во мне отвращение; я приму против них в случае надобности самые энергичные меры, и даже убью этого человека, если у меня не останется других средств защитить свою жизнь, свое право или то, что мне дорого и мной уважаемо. Но во время самой энергичной, ожесточенной и в случае нужды смертельной борьбы с этим человеком, я должен уважать в нем его человеческую природу. — Только этой ценой я могу сохранить свое собственное человеческое достоинство. Однако, если этот человек не признает ни в ком этого достоинства, можно ли признавать его в нем? Если он своего рода дикий зверь, или, как это иногда случается, хуже чем зверь, можно ли признавать в нем человеческую природу, не будет ли это значить вдаваться в фикцию. Нет, ибо каково бы ни было его интеллектуальное и моральное падение, если органически он не является ни идиотом, ни безумным, — в каких случаях с ним надо было бы обращаться не как с преступником, а как с больным, — если он в полном обладании своими чувствами и данным ему от природы умом, его человеческая природа, среди самых чудовищных уклонений, все же весьма реально существует в нем, в качестве всегда открытой для него, покуда он жив, возможности возвыситься до сознания своей человечности, — если только произойдет коренная перемена в социальных условиях, делающих его тем, чем он есть.

Возьмите самую умную, самую способную обезьяну, поставьте ее в самые лучшие человеческие условия, — и все же вы никогда не сделаете из нее человека. Возьмите самого закоренелого преступника и самого бедного умом человека; если только ни в одном из них нет какого нибудь органического дефекта, определяющего его идиотизм или неизлечимую манию, то прежде всего вы должны будете признать, что если один сделался преступником, а другой еще не возвысился до сознания своей человечности в своих человеческих обязанностях, то виноваты в этом не они сами, а социальная среда, в которой они родились и развились.

Здесь мы касаемся самого важного вопроса социальной науки о человеке, вообще. Мы уже повторяли неоднократно, что мы абсолютно отрицаем свободу воли, в том смысле, какой приписывают этому слову теология, метафизика и наука о праве, т. е. в смысле произвольного самоопределения индивидуальной воли человека, независимо от всяких естественных и социальных влияний.

Мы отрицаем существование души, существование духовной субстанции независимой и отделимой от тела. Напротив того, мы утверждаем, что, подобно тому как тело индивида, со всеми своими способностями и инстинктивными предрасположениями, является ничем иным, как производной всех общих и частных причин, определивших его индивидуальную организацию, — что неправильно называется душой; интеллектуальные и моральные качества человека являются прямым продуктом или, лучше сказать, естественным, непосредственным выражением этой самой организации, и именно степени органического развития, которой достиг мозг, благодаря стечению независимых от воли причин.

Всякий даже самый ничтожный индивид, является продуктом веков: история причин, способствовавших его образованию не имеет начала. Если бы мы имели дар, которым никто не обладает и не будет никогда обладать, дар познать и охватить бесконечное

многообразие трансформаций материи или Существа, которые фатально происходили от рождения нашего земного шара до его рождения, то мы бы могли, никогда даже не видев, сказать с почти математической точностью, какова, его органическая природа, определить до малейших подробностей степень и характер его интеллектуальных и моральных способностей, — одним словом его душу, какова она в минуту его рождения. Но нам невозможно анализировать и охватить все эти последовательные трансформации, хотя мы можем сказать без страха ошибиться, что всякий человеческий индивид, в момент своего рождения, является всецело продуктом исторического, т. е. физиологического и социального развития его расы, народа и касты, — если в его стране существуют касты, — его семьи, его предков и индивидуальной природы его отца и матери, передавших ему непосредственно, путем физиологического наследства, — в качестве исходного пункта для него и определения его индивидуальной природы, — все фатальные последствия их собственного предыдущего существования, как материального так и нравственного, как индивидуального, так и социального, включая сюда все их мысли, чувства и поступки, включая все разнообразные события их жизни и все крупные или мелкие происшествия, в которых они принимали участие, включая сюда равным образом бесконечное многообразие случайностей, которым они могли подвергаться[11] и со всем тем, что они наследовали тем же способом от своих собственных родителей.

Нам нет надобности напоминать, чего никто впрочем не отрицает, что различия рас, народов и даже классов и семей, определяются причинами географическими, этнографическими, физиологическими, экономическими — (включая сюда два крупных пункта: вопрос занятий, т. е. вопрос разделения коллективного труда общества и распределения богатства, и вопрос питания, как в отношении количества, так и в отношении качества) — а также причинами историческими, религиозными, философскими, юридическими и социальными; и что все эти причины, комбинируясь различным образом для каждой расы, каждой нации и чаще всего, для каждой провинции и для каждой коммуны, для каждого класса и для каждой семьи, придают каждой особенную физиономию, т. е. различный физиологический тип, совокупность особенных предрасположений и способностей, — независимо от воли индивидов, входящих в состав групп и являющихся всецело их продуктом.

Таким образом, каждый человеческий индивид, в момент своего рождения, является материальной, органической производной всего разнообразия причин, которые, скомбинировавшись, произвели его. Его душа, — т. е. его органическое предрасположение к развитию чувств, идей и воли, — является лишь продуктом. Она вполне определяется физиологическим, индивидуальным качеством его мозговой и нервной системы, которая, как и все его остальное тело, совершенно зависит от более или менее счастливой комбинации этих причин. Она составляет собственно то, что мы называем отличительной, первоначальной природой индивида.

Существует столько же различных характеров, сколько и индивидов. Эти индивидуальные различия проявляются тем яснее, чем более они развиваются, или, лучше сказать, они не только проявляются с большей силой, они действительно увеличиваются, по мере того, как индивиды развиваются, потому что различные вещи, внешние условия, — одним словом, тысячи, по большей части неуловимых причин, воздействующих на развитие индивидов, —

сами по себе весьма различны. Это обуславливает то, что чем более подвигается в жизни какой нибудь индивид, тем более обрисовывается его индивидуальная природа, тем более он отличается, как своими достоинствами так и недостатками от всех других индивидов.

До какой степени индивидуальный характер или душа, т. е. индивидуальные особенности мозгового и нервного устройства развиты в новорожденном ребенке? Разрешение этого вопроса является делом физиологов. Мы знаем лишь, что все эти особенности должны быть необходимо наследственными в том смысле, который мы пытались объяснить, т. е. определенными бесконечностью самых разнообразных причин: материальных и моральных, механических и физических, органических и духовных, исторических, географических, экономических и социальных, больших и малых, постоянных и случайных, непосредственных и очень отдаленных в пространстве и во времени, и совокупность которых комбинируется в единое живое Существо и индивидуализируется в первый и в последний раз, в ряде всемирных видоизменений, единственно лишь в этом ребенке, который в чисто индивидуальном применении этого слова, никогда не имел и никогда не будет иметь себе подобного.

Остается узнать до какой степени и в каком смысле этот индивидуальный характер является действительно определенным, в тот момент, когда ребенок выходит из чрева матери. Является ли это определение лишь материальным, или же в то же время духовным и моральным, хотя бы в качестве лишь естественной способности и тенденции или инстинктивного предрасположения? Рождается ли ребенок умным или глупым, добрым или злым, одаренным или лишенным воли, предрасположенным к развитию того или другого таланта? Может ли он унаследовать характер, привычки, недостатки или интеллектуальные и моральные качества своих родителей и предков?

Вот вопросы, разрешение коих чрезвычайно трудно, и мы не думаем, чтобы физиология и экспериментальная психология были в настоящее время достаточно зрелыми и развитыми, чтобы быть в состоянии ответить на них с полным знанием дела. Наш известный соотечественник г. Сеченов говорит в своем замечательном труде о деятельности мозга, что в громадном большинстве случаев 999/1000 частей психического характера индивида[12]. конечно, более или менее заметные в человеке до его смерти. „Я не утверждаю“, говорит он, чтобы можно было посредством воспитания переделать дурака в умного человека. Это также невозможно, как дать слух индивиду, рожденному без акустического нерва. Я думаю лишь, что взяв с детского возраста по природе умного негра, японца или самоеда, можно из них сделать при помощи европейского воспитания, в самой среде европейского общества, людей, очень мало отличающихся в психическом отношении от цивилизованного европейца.

Установливая это отношение между 999/1000 частями психического характера, принадлежащими, согласно ему, воспитанию, и только одной тысячной, оставляемой им на долю наследственности, г. Сеченов не подразумевал, конечно, исключений: гениальных и необыкновенно талантливых людей, или идиотов и дураков. Он говорит лишь о громадном большинстве людей, одаренных, обыкновенными или средними способностями. Они являются с точки зрения социальной организации самыми интересными, мы сказали бы даже, единственно интересными, — ибо общество создано ими и для них, а не для

исключений и не гениальными людьми, как бы ни казалось безмерным могущество этих последних.

Что нас особенно интересует в этом вопросе, это узнать: могут ли, подобно интеллектуальным способностям, также и моральные качества — доброта или злость, храбрость, или трусость, сила или слабость характера, великодушие или жадность, эгоизм или любовь к ближнему и другие положительные или отрицательные качества этого рода, — могут ли они быть физиологически унаследованы от родителей, предков, или независимо от наследства, образоваться в силу какой-либо случайной, известной или неизвестной причины, которой подвергся ребенок во чреве матери? — Одним словом, может ли ребенок принести, рождаясь, какие нибудь готовые моральные предрасположения?

Мы этого не думаем. Чтобы лучше поставить вопрос, заметим во первых, что если бы существование врожденных моральных качеств было допустимо, то это могло бы быть лишь при условии, что они связаны в новорожденном ребенке с какой нибудь физиологической, чисто материальной особенностью его организма: ребенок выходя из чрева матери, не имеет еще ни души, ни ума, ни даже инстинктов; он рождается для всего этого; он, стало быть, лишь физическое существо, и его способности и качества, если он их имеет, могут быть лишь анатомическими и физиологическими. Поэтому, для того, чтобы ребенок мог родиться добрым, великодушным, самоотверженным, смелым или злым, скупым, эгоистом и трусом, надо, чтобы каждое из этих достоинств или недостатков соответствовало какой нибудь материальной и, так сказать, местной особенности его организма и именно его мозга, а такое предположение вернуло бы нас к системе Галля который думал, что он нашел для каждого качества и для каждого недостатка соответствующие шишки и впадины на черепе. Система эта, как известно, единогласно отвергнута современными физиологами.

Но если бы она была основательна, что бы отсюда вытекало? Раз недостатки и пороки, также как и хорошие качества врождены, то остается узнать, могут ли они быть искоренены воспитанием или нет? В первом случае вина во всех преступлениях, сделанных людьми, падала бы на общество, не сумевшее дать им надлежащее воспитание, а не на них, которые могут, напротив, быть рассматриваемыми, как жертвы социальной непредусмотрительности. Во втором случае, раз врожденные предрасположения признаны фатальными и непоправимыми, обществу не остается ничего другого, как отделаться от всех индивидов, запечатленных каким нибудь естественным, врожденным пороком. Но, дабы не впасть в отвратительный порок лицемерия, общество должно тогда признать, что оно делает это единственно в интересах своего сохранения, а не справедливости.

Есть еще одно соображение, могущее способствовать уяснению этого вопроса: в мире интеллектуальном и моральном, как и в мире физическом, существует только положительное; отрицательное не существует, оно не есть что-нибудь само по себе, а лишь более или менее значительное уменьшение положительного. Так, например, холод является лишь известным состоянием тепла, это лишь относительное отсутствие, лишь очень значительное уменьшение тепла! Так же обстоит дело с мраком, являющимся лишь светом уменьшенным донельзя... Мрак и холод не существуют. В мире интеллектуальном глупость является ничем иным, как слабостью ума, а в нравственности недоброжелательство, жадность, трусость являются лишь доброжелательством, великодушием и храбростью,

доведенными не до нуля, а до очень малого количества. Как бы оно мало ни было все же оно положительное количество, которое может быть развито, усилено, и увеличено воспитанием в положительном смысле, — что было бы невозможно, если бы пороки или отрицательные качества являлись отдельными свойствами. Тогда их надо было бы убивать, а не развивать, ибо развитие их могло бы в таком случае произойти лишь в отрицательном смысле.

Наконец, не позволяя себе предрешать эти важные физиологические вопросы, в которых мы не скрываем своего полного невежества, прибавим лишь, опираясь на единогласный авторитет всех современных физиологов, последнее соображение. Констатировано и доказано, что в человеческом организме нет отдельных областей и органов для инстинктивных, аффективных, моральных и интеллектуальных способностей и что все вырабатываются в одной и той же части мозга посредством одного и того же нервного механизма[13]. Отсюда с очевидностью вытекает, что не может быть вопроса о различных нравственных или безнравственных предрасположениях, фатально определяющих в самом организме ребенка наследственные и врожденные достоинства или пороки, и что моральная врожденность, никоим образом не обособляется от интеллектуальной врожденности, ибо и та и другая сводятся к большей или меньшей степени совершенства, достигнутого вообще развитием мозга.

«Раз призваны анатомические и физиологические свойства ума», говорит Литтре (стр. 355), "то можно проникнуть в самую глубь его истории. Покуда ум не был переделан и обогащен цивилизацией, покуда он обладал лишь простыми идеями[14], производимыми как внутренними, так и внешними впечатлениями[15], он находился на самой низшей ступени развития; для того, чтобы подняться на самую высшую ступень ум обладает лишь способностью задерживать впечатления и способностью ассоциации[16], но этого достаточно. Мало по малу образуются сложные комбинации, увеличивающие силу и поле мозговой деятельности[17]; наконец, подвигаясь все вперед, человеческий мозг начинает совершать более крупную умственную работу. Умственная машина увеличивается и совершенствуется, а без машины нельзя сделать ничего значительного ни в интеллектуальной области, ни в области промышленной.

«По мере того, как совершается эта работа мозга, она призывает к себе на помощь важное свойство жизни, а именно наследственность, которая способствует закреплению полученного результата в настоящем и облегчению дальнейшего усовершенствования. Раз приобретены новые умственные способности, они передаются — это экспериментальный факт — потомкам под видом врожденностей; врожденностей вторичных, третичных, которые, в умственной области, создают усовершенствованные, человеческие породы и расы. Это заметно, когда сталкиваются друг с другом народности, шедшие по разным путям развития; низшая или исчезает или лишь медленно достигает до уровня высшей».

Ниже процитировав слова Люиса: «Мозговая сфера, где царят чувственные впечатления и та, где происходят чисто интеллектуальные проявления, тесно соединены между собой», Литтре прибавляет[18]:

"Это совершенное подобие между интеллектом и чувством, а именно источником, где нервы черпают[19], и центром, где то, что они черпают перерабатывается[20], вместе с

тождественностью обоих центров, это означает, что физиология чувства не может разниться от физиологии интеллекта.

«Следовательно, пришлось отказаться искать в мозгу органы для влечений и страстей и признать, что в нем происходят лишь впечатлительные процессы, которые надлежит определить.

«Источником идей являются чувственные впечатления, источником чувств — впечатления инстинктивные. Дело нервных клеточек, заключается в перерабатывании в чувства инстинктивных впечатлений. Проблема происхождения чувств совершенно параллельна проблеме происхождения идей.

«Этот род деятельности мозга происходит над двумя сортами инстинктивных впечатлений, над теми, которые принадлежат инстинктам поддержания индивидуальной жизни и теми, которые принадлежат к инстинктам поддержания жизни рода. Первая категория перерабатывается в мозгу в себялюбие, вторая в любовь к другим, в первичной форме, половой любви, любви матери к ребенку и ребенка к матери.

«В этом отношении, не лишнее будет бросить беглый взгляд на сравнительную физиологию. У рыб, стоящих в мозговом отношении на самой нисшей ступени лестницы позвоночных и не знающих ни семьи, ни детенышей, инстинкт остается чисто половым. Но чувства, порождаемые им, начинают проявляться у некоторых млекопитающих и у птиц; устанавливается настоящее сожительство, но по большей части оно лишь временно. Также точно обстоит дело с зачатками семейных отношений между родителями и детенышами. Наконец, у некоторых животных, и между прочим у человека, между различными семьями образуются такого же рода отношения, как между членами одной и той же семьи; там и сям, среди животных зарождается общественность. Раз фундамент, таким образом, заложен, то нетрудно понять, что первичные чувства, по мере осложнения жизни, как для индивида, так и для общества, переходят во вторичные чувства и в комбинации чувств, которые становятся столь же нераздельными, как нераздельны в интеллекте ассоциированные идеи» (стр. 357).

Таким образом, повидимому, установлено, что в мозгу не существует специальных органов, ни для различных интеллектуальных способностей, ни для различных моральных качеств, аффектов и страстей, добрых или злых. Следовательно, ни достоинства, ни недостатки не могут быть унаследованы, врожденны, ибо, как мы сказали, эта наследственность и врожденность может быть в новорожденном лишь физиологической, материальной. В чем же может заключаться прогрессивное исторически передаваемое совершенствование мозга, как в интеллектуальном, так и в моральном отношении? Единственно в гармоническом развитии всей мозговой и нервной системы, т. е. как в верности, тонкости и живости нервных впечатлений, так и в способности мозга перерабатывать эти впечатления в чувства, в идеи и комбинировать, охватывать и удерживать все более и более широкие ассоциации чувств и идей.

Весьма вероятно, что если у какой-нибудь расы, нации, у какого-нибудь класса или в какой-нибудь семье, вследствие их отличительной природы, всегда обусловленной их

географическим и экономическим положением, характером их занятий, количеством и качеством пищи, также как их политической и социальной организацией, одним словом, всей их жизнью и большей или меньшей степенью интеллектуального и морального развития, — что если, вследствие всех этих условий, одна или несколько систем органических функций, совокупность которых образует жизнь человеческого тела, будут развиты в ущерб всем другим системам, в родителях, — весьма вероятно, почти несомненно, говорим мы, что их ребенок унаследует в той или иной степени ту же плачевную дисгармонию, — с возможностью, только, исправить ее до некоторой степени, благодаря своей собственной будущей работе над самим собой, а иногда, также благодаря социальным революциям, без которых установление более полной гармонии в физиологическом развитии индивидов, взятых в отдельности, может быть часто невозможным.

Во всяком случае, надо сказать, что абсолютная гармония в развитии человеческих мускульных, инстинктивных, интеллектуальных и моральных способностей, является идеалом, который никогда нельзя будет осуществить; во первых, потому, что история физиологически тяготеет более или менее (и да придет время, когда можно будет сказать: все менее и менее) — над всеми народами и над всеми индивидами; и затем потому, что всякая семья и всякий народ всегда поставлены в различные условия между которыми, по крайней мере, некоторые будут всегда противоречить полному и моральному развитию людей.

Итак, то, что передается наследственным путем из поколения в поколение, то, что может быть физиологически врожденным в индивидах, рождающихся к жизни, это не достоинства их или недостатки, не идеи или ассоциации чувств и идей, а единственно лишь мускульный и нервный механизм, более или менее усовершенствованные органы, посредством которых человек движется, дышит, ощущает себя, получает внешние впечатления и удерживает их, воображает, судит, комбинирует, ассоциирует и понимает чувства и идеи, являющиеся, ничем иным, как теми же самыми, как внешними, так и внутренними впечатлениями, сгруппированными и переработанными вначале, в конкретные представления, затем в абстрактные понятия, при помощи чисто физиологической и, прибавим еще, совершенно произвольной деятельности мозга.

Ассоциации чувств и идей, последовательное развитие и видоизменение которых составляют всю интеллектуальную и моральную часть истории человечества, не обуславливают образование в человеческом мозгу новых органов, соответствующих каждой отдельной ассоциации, и следовательно не могут быть переданы индивидам путем физиологической наследственности. Физиологически наследуется, лишь все более и более усиленная, расширенная и усовершенствованная способность понимать их и создавать новые. Но сами ассоциации и представляющие их сложные идеи, как например, идея бога, отечества, нравственности и т. д., не могут быть врожденными и передаются индивидам лишь путем общественной традиции и воспитания. Они овладевают ребенком с первого дня его рождения, и так как они уже воплотились в окружающей его жизни, во всех, как материальных, так и моральных деталях общественной среды, в которой он родился, то они проникают тысячью различных способов в его, сначала детское, затем отроческое и юношеское сознание, которое рождается, растет и формируется под их всеильным

влиянием.

Беря воспитание в самом широком смысле этого слова, понимая под ним не только обучение и уроки нравственности, но и, главным образом, примеры, являемые ребенку всеми окружающими лицами; влияние всего, что он слышит, что он видит; понимая под этим словом, не только умственное образование ребенка, но также развитие его тела посредством питания, гигиены, физических упражнений, — мы скажем с полной уверенностью, что никто нам серьезно не будет противоречить, что всякий ребенок, всякий юноша и, наконец, всякий взрослый человек является всецело продуктом среды, которая вскормила его и воспитала, — продуктом фатальным, произвольным и, следовательно, безответственным.

Человек рождается без души, без сознания, без тени какой-нибудь идеи или чувства, но с организмом, индивидуальная природа которого определена бесконечным числом обстоятельств и условий, предшествовавших самому появлению воли, и которая, в свою очередь, обуславливает большую или меньшую способность человека к восприятию и присвоению чувств, идей и ассоциаций чувств и идей, выработанных веками и переданных каждому как общественное наследие, при помощи полученного каждым воспитания. Плохо это воспитание или хорошо, оно навязано человеку обстоятельствами, он в нем несколько не ответствен. Оно формирует человека, насколько позволяет более или менее счастливая индивидуальная природа последнего, так сказать, по своему образу, так что человек думает, чувствует и желает то же самое, что думают, чувствуют и хотят все его окружающие.

Но, в таком случае, спросят, может быть, как же объяснить, что воспитание, по внешности, по крайней мере, почти тождественное, часто дает самые различные результаты, что касается развития характера, ума и сердца? А разве не различны при рождении индивидуальные организмы? Это природное и врожденное различие, сколь бы ни было оно мало, является однако положительным и реальным: различие в темпераменте, в жизненной энергии, в преобладании одного чувства, одной группы органических функций над другой, в природных живости и способности. Мы постарались доказать, что пороки так же, как и моральные качества, — факты индивидуального и общественного сознания, — не могут быть фактически унаследованы и что человек ни может быть предопределен физиологически быть непоправимо злым, неспособным к добру; но мы не думали отрицать, что есть очень различные индивидуальные организмы, из которых одни, более счастливо одаренные, способны к более широкому гуманному развитию, чем другие. Правда, мы думаем, что в настоящее время слишком преувеличиваются естественные различия между индивидами, и что наибольшую часть ныне существующих различий, надо приписать не столько природе, сколько различному воспитанию, полученному каждым.

Для разрешения этого вопроса надо было бы во всяком случае, чтобы две науки, могущие его разрешить а именно: физиологическая психология, или наука о мозге, и педагогика, или наука о воспитании и общественном развитии мозга, вышли из детского состояния, в котором они обе еще пребывают. Но раз установлено физиологическое различие между индивидами, в какой бы то ни было степени, то с совершенной очевидностью вытекает, что какая-нибудь система воспитания, сама по себе превосходная, как абстрактная система,

может быть хороша для одного и дурна для другого.

Для того, чтобы быть совершенным, воспитание должно бы было быть гораздо более индивидуализированным, чем оно является теперь; индивидуализировано в духе свободы и основано на уважении свободы, даже и в детях. Оно должно стремиться не к дрессировке характера, ума и сердца, а к их пробуждению к независимой и свободной деятельности. Оно не должно иметь другой цели, как развитие свободы, другого культа, или лучше сказать, другой морали, другого объекта уважения, как свободу каждого и всех; как простую справедливость, не юридическую, а человеческую; простой разум, не теологический, не метафизический, а научный; и труд как мускульный, так и нервный, — как первую и обязательную для всех основу всякого достоинства, всякой свободы и права. Такое воспитание, широко распространенное на всех, на женщин, как и на мужчин, при экономических и социальных условиях, основанных на справедливости, заставило бы исчезнуть много так называемых естественных различий.

Нам могут возразить: как бы ни было несовершенно воспитание, но во всяком случае им одним нельзя объяснить тот неоспоримый факт, что довольно часто в семьях, наиболее лишенных нравственного чувства, можно встретить личностей, поражающих нас благородством своих инстинктов и чувств, и что, напротив того, еще чаще в семьях, самых развитых в нравственном и интеллектуальном отношении, встречаются индивиды, низкие по уму и по сердцу. Но это лишь видимое противоречие. В самом деле, хотя мы и сказали, что в огромном большинстве случаев, человек является всецело продуктом социальных условий, в среде которых он развивается; хотя мы и оставили сравнительно малую долю влиянию физиологического наследства естественных качеств, с которыми человек уже рождается, тем не менее, мы не отрицали этого влияния. Мы признали даже, что в некоторых исключительных случаях, в людях гениальных или очень талантливых, напр., так же, как в идиотах и в людях нравственно очень испорченных, это влияние естественного определения на развитие индивида — столь же фатального, как и влияние воспитания и общества, — может быть даже очень велико. Последнее слово относительно всех этих вопросов принадлежит физиологии мозга, а эта последняя еще не достигла той степени развития, которая дала бы ей возможность разрешить их даже приблизительно. Единственная вещь, которую мы можем в данный момент с уверенностью утверждать, это то, что все эти вопросы бьются между двумя фатализмами: фатализмом естественным, органическим, физиологически наследственным, и фатализмом наследственности, общественной традиции, воспитания, общественного, экономического и политического устройства каждой страны. В этих двух фатализмах нет места для свободы воли.

Но помимо естественного, положительного или отрицательного, определения индивида, которое может поставить его в большее или меньшее противоречие с духом, царящим в его семье и могут существовать для каждого отдельного случая еще другие, скрытые, причины, которые в большинстве случаев всегда остаются неузнанными, но которые должны быть нами приняты, тем не менее, в расчет. Стечение особых обстоятельств, неожиданное событие, иногда даже очень незначительный сам по себе случай: нечаянная встреча какого нибудь человека, книга, попавшая в руки данному индивиду в надлежащий момент — все это, в ребенке, в подростке или в юноше, когда воображение кипит и еще совершенно открыто для впечатлений жизни, может произвести коренной переворот как к добру, так и

ко злу. Прибавьте упругость, свойственную всем молодым характерам, в особенности когда они одарены известной естественной энергией, которая заставляет их реагировать против слишком повелительных и настойчиво-деспотичных влияний, и благодаря которой иногда даже избыток зла может породить добро.

Может ли в свою очередь породить зло избыток добра или то, что обыкновенно называется этим именем? Да, когда добро вменяется, как деспотический, абсолютный закон, — религиозный, доктринерно-философский, политический, юридический, социальный или семейно-патриархальный, — одним словом, когда, как бы оно ни казалось добром, или на самом деле было добром, оно налагается на индивида как отрицание свободы, а не является ее продуктом. Но в таком случае, бунт против добра, навязываемого таким способом, является не только естественным, но и законным; восстание это, не только не зло, а, напротив, добро; ибо не существует добра вне свободы, а свобода является источником и абсолютным условием всякого добра, которое истинно достойно этого слова: ведь добро — это ничто иное как свобода.

Развить и доказать эту истину, которая нам лично представляется совершенно простой и ясной, — единственная цель этой статьи. Возвратимся теперь к нашему вопросу.

Пример того же самого видимого противоречия или аномалии мы часто имеем в более широком масштабе в истории народов. Например, как объяснить, что в еврейском народе, бывшем когда-то самым узким и односторонним народом на свете, до того односторонним и узким, что признавая, так сказать, абсолютную привилегированность, божественное избрание, главным основанием своего существования, — этот народ считал, что он один угоден богу, что его бог, Иегова — бог отец христиан — доведя свою заботливость о еврейском народе до самой дикой жестокости ко всем другим народам, приказал ему уничтожить огнем и мечем все племена, занимавшие раньше Обетованную Землю, для того, чтобы очистить место для своего народа-Мессии; — как объяснить, что в среде этого народа мог родиться Иисус Христос, основатель всечеловеческой мировой религии, и тем самым разрушитель самого существования еврейской нации, как политического и социального тела? Каким образом этот исключительно национальный мир мог породить такого реформатора, религиозного революционера, как апостол[21]

Примечания

[1] Славный итальянский патриот Джузеппе Мадзини, чей республиканский идеал не что иное, как французская республика 1793 года, исправленная в духе поэтических традиций Данте и властолюбивых воспоминаний о властелине земли Рима, потом пересмотренная и исправленная с точки зрения новой теологии, наполовину рациональной и наполовину мистичной, — этот замечательный патриот, честолюбивый, страстный и всегда исключительный, несмотря на все его усилия подняться до уровня международной справедливости, патриот, который всегда предпочитал величие и могущество своего отечества его благополучию и свободе, — Мадзини был всегда яростным противником автономии провинций, которая естественно нарушала бы строгое единообразие великого итальянского государства. Он утверждает, что для противовеса могуществу прочно устроенной республики достаточна автономия коммун. Он ошибается: ни одна коммуна, взятая в отдельности, не сможет противостоять могуществу столь сильной централизации, она будет ею раздавлена. Чтобы не пасть в этой борьбе, она должна была бы для общей самозащиты вступить в федерацию с соседними коммунами, т. е. она должна была бы образовать вместе с ними автономную провинцию. Кроме того, раз провинции не будут автономны, управлять ими надо будет ставленникам государства. Нет середины между строго последовательным федерализмом и бюрократическим режимом. Отсюда вытекает, что республика, к которой стремится Мадзини, была бы государством бюрократическим и, следовательно, военным, основанным в целях внешнего могущества, а не международной справедливости и внутренней свободы. В 1793 году, при режиме Террора, коммуны Франции были признаны автономными, что не помешало им быть раздавленными революционным деспотизмом Конвента или, лучше сказать, Парижской Коммуны, естественным наследником которой явился Наполеон.

[2] Как известно, в Америке приверженцы интересов Юга против Севера, т. е. рабства против освобождения рабов, называют себя демократами.

[3] Привилегированные?

[4] Даже за неимением имущества это буржуазное образование при той солидарности, которая связывает всех членов буржуазного мира, обеспечивает получившему его громадную привилегию в вознаграждении за труд — ибо труд самого посредственного буржуа оплачивается в три, в четыре раза дороже, чем труд самого умного рабочего.

[5] В этом отношении юридическая наука подобна теологии: одна исходит из реального, но несправедливого факта присвоения силой, завоевания; другая — из факта фиктивного и нелепого, божественного откровения как высшего принципа. Основываясь на этой абсурдности или на этой несправедливости, обе науки прибегают к самой строгой логике, чтобы построить, с одной стороны, теологическую, с другой — юридическую систему.

[6] Сказать, что Бог не против логики, значит утверждать, что он совершенно идентичен ей, что он сам — не что иное, как логика, т. е. естественный ход и развитие реальных вещей, иначе говоря, что Бога нет. Существование Бога может иметь значение лишь как отрицание естественных законов, отсюда эта неопровержимая дилемма: Бог существует, значит нет естественных законов и мир представляет собой хаос. Мир не есть хаос, он упорядочен сам по себе — значит, Бога нет.

[7] Так и всякий человеческий индивид есть не что иное, как равнодействующая всех причин, предшествовавших его появлению на свет, комбинированных со всеми условиями его дальнейшего развития.

[8] Никогда нелишне повторять это многим приверженцам современного натурализма или материализма, которые — ввиду того, что человек в наши дни обнаружил свое полное родство со всеми другими видами животных и свое непосредственное и земное происхождение, ввиду того, что он отказался от нелепых и пустых претензий спиритуализма, который под предлогом дарования ему абсолютной свободы приговаривал его к вечному рабству, — воображают, что это дает им право отбросить всякое уважение к человеку. Этих людей можно сравнить с лакеями, которые, открыв плебейское происхождение человека, заставившего себя уважать своими личными достоинствами, считают себя вправе относиться к нему как к равному по той простой причине, что в их представлении не существует другого достоинства, кроме аристократического происхождения. Иные же настолько счастливы открытием родства человека с гориллой, что хотели бы навсегда сохранить его в состоянии животного, отказываясь понять, что все историческое назначение, все достоинство и свобода человека заключаются в удалении от этого состояния.

[9] Подобные отношения, которые, впрочем, никогда не могли существовать между первобытными людьми, ибо социальная жизнь предшествовала пробуждению индивидуального сознания и сознательной воле, а также потому, что вне общества ни один человеческий индивид никогда не мог пользоваться ни абсолютной, ни даже относительной свободой, — подобные отношения, говорим мы, совершенно тождественны с теми, которые существуют в настоящее время между современными государствами, каждое из которых считает себя облеченным свободой власти и абсолютным правом в отличие от всех других. Поэтому оно оказывает всем другим государствам лишь то внимание, которого требует его собственный интерес, и все они неизбежно находятся в постоянном состоянии скрытой или открытой войны.

[10] Это идеал Мадзини: «Мы верим, что Высшая Власть свята, когда, освященная гением и добродетелью, этими единственными священнослужителями будущего, и явившая в себе великую жертвенную силу, она проповедует добро и, добровольно признанная, ведет к нему видимым образом...»

[11] Случайности, которым подвержен эмбрион во время своего развития в чреве матери, прекрасно объясняют различие, чаще всего существующее между детьми одних родителей, и делают для нас понятным, каким образом у умных родителей может быть дитя-идиот. Но это всегда лишь печальное исключение вследствие какой-либо случайной мимолетной

причины. Природа, благодаря несуществованию благого Бога, никогда не бывая капризной и ничего не делая без достаточной на то причины, никогда не меняет тенденцию или направление, не будучи принуждаемой к этому превосходящей ее силой. Таким образом, правило воспроизводства человеческого рода путем последовательности пар, образующих семью, должно быть таким: если бы каждая пара прибавляла к физиологическому наследству своих родителей новое физическое, интеллектуальное и моральное развитие, то — так как всякое идеальное совершенствование есть материальное совершенствование, идущее от мозга, — каждое вновь рождающееся существо должно бы быть во всех отношениях выше своих родителей.

[12] Смотрите замечательную статью г. Литтре: «О методе в психологии» в журнале «Позитивная философия». Физиологически установлено, говорит знаменитый позитивист, что мозг ничего не создает; он лишь воспринимает. Его функции заключаются в превращении того, что ему передается (чувствами) в эмоции и идеи; но сам он не привносит своего в то, что составляет субстрат этих идей и этих чувств. По правде сказать, все приходит к нему извне, ибо органические предрасположения, без которых нет ни индивидуальной, ни коллективной жизни и без которых не было бы и чувства, являются столь внешними (для человека), что природа осуществляет их независимо от всякого мозга и всякой психики в растениях и, в особенности, в низших животных. Поэтому следует слегка изменить смысл слова субъективное. Субъективное не может означать ничего предшествующего развитию человека: я, идею, чувство, идеал. Оно может означать лишь перерабатывающую способность нервных клеток; во всем остальном субъективное всегда смешано с объективным (№ III, стр. 302). А на стр. 343 — 344 г. Литтре говорит еще: «Рассудок не является способностью, витающей над принесенными ему впечатлениями; его единственное дело (чисто физиологическое) состоит в сравнении их между собой для получения заключения; но он не имеет над ними никакой юрисдикции. Галлюцинации доказывают это; галлюцинации — это производство впечатлений, не вызванных ничем объективным. В силу болезненной игры нервных клеток, передающих впечатления, иллюзорные впечатления поступают в интеллектуальный центр («серое вещество оболочки той части мозга, которая занимает всю верхнюю и переднюю часть черепной полости, или мозга в собственном смысле»), как будто бы они были реальные. Рассудок, воспринимая их, по необходимости работает над фиктивным материалом, и вот являются воображаемые представления. Кроме того, за исключением патологического нарушения, совершенно подобное же доказательство доставляется нам развитием человеческих идей в истории. В начале наблюдения — за исключением самых простых — ошибочны, а вслед за ними ошибочны и суждения. Люди видят, что солнце встает на востоке и заходит на западе; основываясь на этом, рассудок строит неверную концепцию, которую он впоследствии исправляет лишь благодаря лучшим наблюдениям. Если бы рассудок был первичным, а не вторичным, то человеческая история была бы иной (человечество не имело бы предком двоюродного брата гориллы): вначале были бы великие истины, из которых были бы выведены второстепенные истины; такова фактически теологическая гипотеза...». Г. Литтре мог бы добавить: а также метафизическая и юридическая.

«Раз признаны анатомические и физиологические свойства ума, — говорит г. Литтре (стр. 355), — то можно проникнуть в самую глубь его истории. Покуда ум не был перестроен и обогащен цивилизацией, обладал лишь простыми идеями [мы сказали бы — «первичными

понятиями» или даже «простыми представлениями предметов»], производимыми как внутренними, так и внешними [чувственные впечатления, получаемые индивидом посредством его нервов от внешних и внутренних предметов] впечатлениями, он находился, таким образом, на низшей ступени развития; для того, чтобы подняться выше, ум обладает лишь способностью удерживания и ассоциации [удержание простых идей памятью и ассоциация их деятельностью мозга], но этого достаточно. Постепенно образуются сложные комбинации, увеличивающие силу и поле деятельности мозга [посредством ассоциации простых идей]; наконец, подвигаясь вперед, человек приходит к великим интеллектуальным свершениям. Умственный аппарат увеличивается и совершенствуется, а без инструментария нельзя сделать ничего значительного ни в интеллектуальной области, ни в промышленности».

«По мере того как совершается это развитие, оно призывает себе на помощь важное свойство жизни, а именно наследственность, которая способствует закреплению его в настоящем и облегчению в будущем. Новые умственные способности, будучи раз приобретенными, передаются — это экспериментальный факт — потомкам в форме врожденных черт; врожденности вторичной, третичной, которая в умственной области создает своего рода улучшенные человеческие расы. Это заметно, когда встречаются народности, прошедшие через разное развитие; низшая исчезает или через длительный промежуток времени достигает уровня высшей».

Ниже, процитировав слова г. Льюиса: «Мозговая сфера, где царят аффективные страсти, как и та, где находятся чисто интеллектуальные проявления, тесно взаимосвязаны», г. Литтре добавляет: «Это совершенное подобие между интеллектом и чувством, а именно источником, откуда черпают нервы [Источником, откуда нервы черпают как чувственные, так и инстинктивные впечатления, *sensum commune*, является, по мнению г. Литтре и г. Льюиса, оптический слой, где сходятся все, как внешние, так и внутренние, впечатления, т. е. произведенные внешними предметами или же явившиеся из внутренних тканей организма, который «системой волокон и соединений передает эти впечатления коре головного мозга (серому веществу) — центру как аффективных, так и интеллектуальных способностей» (стр. 340 — 341).], и центром, где почерпнутое ими перерабатывается [Серое вещество мозга в собственном смысле, состоящее из нервных клеток: «Установлено, что нервные клетки, составляющие вещество мозга, являясь анатомически окончанием нервов и через них завершением всех внутренних впечатлений, функционально предназначены для переработки этих впечатлений в идеи; получив идеи — для суждения об их сходстве или различии, для удержания памятью, для соединения по ассоциации. Не более и не менее. Все интеллектуальное развитие человека имеет своим исходным пунктом эти анатомические и физиологические условия» (стр. 352).], с учетом тождественности обоих центров, все это указывает на то, что физиология чувства не может разниться от физиологии интеллекта».